

СУБЪЕКТ

думать все равно придется

НОМЕР ЧЕТВЕРТЫЙ

**ПРЕСС-ЦЕНТР
РГГУ**

WWW.RGGU.RU

СУБЪЕКТ

Над номером работали:

Дмитрий Лadoшин

Иосиф Фурман

Корректурa

Клара Михайловна Корепанова

Дизайн обложки

Алексей Михалев

Дизайн номера

Галина Соловьева

Верстка

Михаил Минаев

Большое спасибо

Ираклию Болквадзе,

начальнику информационного отдела РГГУ,

Ольге Сафуановой,

главному редактору издательства «Генезис».

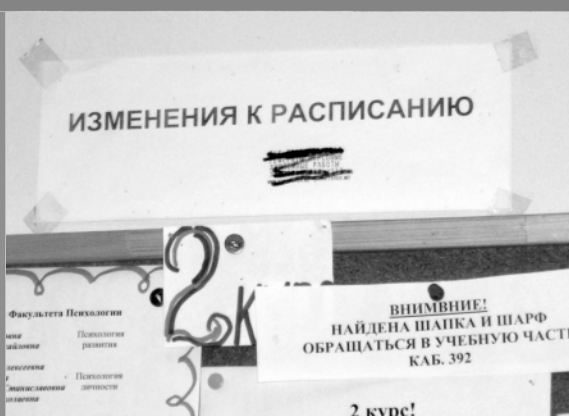
Благодарим за поддержку

Издательский дом «Первое сентября»

E-mail: subject_zhurnal@mail.ru

Вы не знаете, где и как студенты
становятся психологами?
Вы сомневаетесь в том, что курсовую
работу можно писать с интересом?
Вы не понимаете, зачем психологу
читать книжки?
До вас докатились слухи, что
педагогическая практика — это
путешествие в сомнительную сказку
для взрослых?
А может, вам показалось, что вы
единственный психолог, который
пишет художественные произведения?

Скорее прочтите этот номер!

Елизавета Новорадовская

К сожаленью, день рожденья...

В ноябре Институт психологии им. Л.С. Выготского отметил свое 10-летие

Внутренний дворик

4

Теперь нам интереснее и важнее показать самый лучший капустник, чем узнать что-то новое о науке психологии. Нам необходимо показать себя, и средством для этого становится капустник.

С прошедшим Днем Варенья тебя, наш дорогой ИП!!! Вот уже десять лет ты радуешь нас (и не только нас) своим существованием! По сложившейся шесть лет назад традиции, в день рождения Льва Семеновича Выготского проходят международные чтения памяти Его. По этой же самой традиции все студенты освобождаются в эти дни от занятий и посещают конференцию. И, вопреки догадкам большинства, не для того, чтобы написать отчет о том, что они услышали, увидели и поняли, а потом еще и на английском (французском, немецком) языках изложить краткое содержание понравившихся докладов. Все это делается для того, чтобы непосредственно погрузиться в науку, освящаемую психологами: знакомыми и неизвестными, молодыми и в возрасте, известными и не очень. Согласно все той же давней традиции, заканчиваются эти чтения... капустником, конечно!

Капустник, по моему личному мнению, — самое веселое, захватывающее, непредсказуемое и незабываемое событие в общественной жизни студентов ИП. Где еще можно проявить свою креативность, показать свое актерское (режиссерское, операторское, ораторское и, конечно же, психологическое) мастерство, как не в такого рода самодеятельности? Все пять курсов и коллектив преподавателей каждый год 17 ноября выходят на сцену и поражают зал новыми шутками, старыми приколами, чистосердечными признаниями и скрытыми талантами.

Как это было? Как это вообще бывает? Я и большинство моих однокурсников очень хорошо помнят, как дрожали колени и пересыхало во рту перед самым

первым выступлением в самом первом нашем капустнике... Что подумают студенты старших курсов? Как отреагируют преподаватели на то, что мы будем их показывать? Ой, а это не опасно? Но, как оказалось позже, на втором и третьем курсе, эти переживания, так скажем, являются элементами коллективного бессознательного: все мы, как студенты первого курса, обязательно показываем вступительные экзамены и очень осторожно, по-доброму похихикиваем в кулачок над всем хорошо известными личностями ИП. И, конечно, конференция: мы все шуршим листочками, прилежно записывая каждое слово докладчика и отмечая про себя: как интересно; никогда о таком раньше не слышали; представляете, а это же наш преподаватель!

На втором курсе мы уже ничего не боялись: выступили дерзко и смешно, за несколько дней успев отрепетировать все до мелочей. Мы лучшие — об этом нам говорили и преподаватели и другие курсы. Кстати, именно после этого события креативность из нас просто фонтанами брызнула: фильмы, КВН, журнал. Ребят, а как там насчет конференции? А, точно, надо же сходить на какую-нибудь секцию! Да, что-то мы записали, что-то послушали, даже что-то поняли. Но это все не так важно: у нас же музыка для капустника не записана, плакат не нарисован и вообще сценарий не написан...

Но вот пришел третий курс со своим так называемым «кризисом». Надо сделать капустник! Повесили объявление, где большими красными буквами написали: «Все желающие, приходите туда-то и тогда-то со своими идеями, можно и без них». Нас пришло четверо... Ладно, сюжет придумали, актеров уговорили, начали репетировать, мастерить реквизит и чуть ли не шить костюмы. Во время репетиций я получила безграничное удовольствие и, честно вам скажу, чуть не

умерла от смеха в самом прямом смысле. Конференция? А что это? Так ответила большая часть третьего курса. Я пришла на секцию, села, достала ручку и блокнот и приготовилась жадно вникать в докладчику. На этом мысль о конференции прерывается, голова занята только капустником: мы же забыли в сценарий одну шутку вставить... сейчас надо бы сердечки из салфеток нарезать... а у кого-нибудь есть диктофон?... Какая уж тут конференция. Я закрыла совершенно пустой блокнот, и мы с однокурсниками срочно побежали репетировать.

Что произошло? Я на такой вопрос, заданный мною же, ответила, пожав плечами: «Стареем». Тут все хором начали высказывать свои догадки: конференции стали неинтересными, кризис третьекурсника во всем виноват, у всех есть дела поважнее (тот же капустник), и так далее. Почему тогда я, если уж говорить о кризисе, на конференции почти не видела представителей четвертого и пятого курсов? Почему основную массу слушателей составляет первый курс, которому самые первые в его студенческой жизни чтения имени Л.С. Выготского очень нравятся (это закономерность)? Бурно обсудив эту проблему, к единому выводу мы так и не пришли. Может быть, только начав обучение в Институте психологии, мы пытаемся больше понять о науке, которую выбрали; узнать что-то новое; изучить лучше жизнь будущей (если повезет) alma mater; больше боимся что-то упустить; в конце концов, страх перед деканатом гонит нас на конференцию.

Чем дальше в лес, тем, как известно, ближе вылез. Теперь нам интереснее и важнее показать самый лучший капустник, чем узнать что-то новое о науке психологии. Нам необходимо показать себя, что мы знаем, что умеем, и средством для этого становится капустник — такой своеобразный сплав хорошего юмора и серьезной психологии, без которой ни одно выступление не может обойтись. У нас больше не дрожат коленки, и нет нестерпимого желания сбежать, пока еще не вышли на сцену. Теперь хочется продемонстри-

ровать себя во всей красе, примерить главную роль, громким и уверенным голосом выдать самую искрометную шутку, которая взорвет зал аплодисментами.

Это как наркотик. Чуть ли не в ту же секунду, как закончилось наше выступление, нам всем стало не по себе — подавай нам очередную «дозу». Две недели прошло в творческих «ломках» — чем бы заменить эти ощущения? Результат — мы готовим новогоднее выступление! А ведь на носу сессия со своим адреналином и своими проблемами... Это уже не важно: вера в светлое будущее (сданные экзамены) крепка, надежда на блестящий праздник цветет пышным цветом.

Может быть, нам всем надо было идти в театральные вузы, раз мы такие талантливые? Лично для меня ИП стал вторым домом, который покидать даже через два с половиной года ой как не хочется. Тогда вопрос о том, что происходит, остается открытым. Что это за психологический феномен или закон, подчиняясь которому, мы, студенты-психологи, не можем усидеть на месте? В нас, молодых, кипит творческая энергия, слишком мощная, слишком необъятная, чтобы уместиться в рамках теорий и концепций. Можно считать, что наша активность — это наша практическая психология, которая, бьюсь об заклад, еще пригодится нам в нашей непростой взрослой жизни.

Анастасия Шустова

В борьбе за выучение

Одна неделя из жизни третьего курса

Внутренний
дворик

6

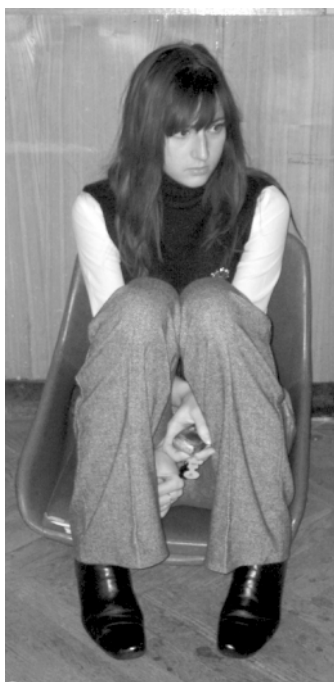
Неделя, начинающаяся первой парой в понедельник, сама по себе явление не очень приятное. Однако еще менее приятно, когда эту самую пару отменяют, а ты об этом узнаешь в последнюю очередь. То есть когда ты встаешь в семь утра, а спать почему-то очень хочется... просонья, если успеваешь, пьешь чай или кофе... преодолевая физическое неприятие утренних толкучек в метро, добираешься до универа... если удастся, поднимаешься на лифте на нужный этаж, подходишь к нужной аудитории, а там... сидят твои сокурсники и сообщают, что приходил какой-то дяденька и сказал, что пары не будет. При этих словах ты думаешь, что над тобой смеются, но быстро вспоминаешь, что подобные шутки на третьем курсе считаются черным юмором... И тогда ты осознаешь, что ближайшие два часа тебе придется сидеть и тупо смотреть в стену или поглощать кофе (кстати, во сколько открывается буфет?..), или в лучшем случае поддерживать сонную беседу ни о чем, а точнее, о том, что нас опять бросили. Конечно, ты прекрасно понимаешь, что пре-

подаватель не пришел, потому что заболел, а такое может случиться с каждым и в любой момент. И допустим даже, нас не успели предупредить заранее, потому что не было времени, но... если бы такое случилось в первый раз. А это, к сожалению, не первый, и даже не второй, и даже не третий раз, когда почему-то у нас пропадают занятия по самым разным причинам...

Ладно, понедельник начался грустно, но остальные пары в тот день, к счастью, все же свершились.

Потом был вторник, а это, как известно, библиотечный день, и именно поэтому ни у кого (ни у студентов, ни у преподавателей) нет никакой возможности не прийти в универ.

Среда, слава богам, начиналась не с первой, а со второй пары. И начиналась она с двух первых семинаров по одному из курсов. Приобретенный за долгие два года опыт обучения в нашем университете говорит о том, что где-то в четверти случаев преподаватели на первые семинары не приходят. Терзаемые смутными сомнениями, но все же надеющиеся на лучшее, мы пришли во второй корпус, поднялись, кажется, на восьмой этаж и стали терпеливо ждать. И ждали мы ровно полчаса, после чего мирно разошлись по своим делам, не забыв при этом сначала заглянуть в деканат и пожаловаться (да-да, знаю, ябеды) на свою горькую участь. Остальные три часа (или даже больше?) мы посвятили обеде (столовая стала нашим любимым местом времяпрепровождения), затем лично я заглянула-таки в читальный зал и даже успела подготовиться к четвертой паре... а потом мы еще раз поели. Да, с питанием в этом году дело обстоит значительно лучше, чем в прошлом. Я даже уже попробовала все разновидности супа-пюре... Забегая вперед, скажу, что впоследствии было выяснено:

преподавателя просто не предупредили о том, что у нас должны были быть занятия.

Вы только не подумайте, что я шучу. В четверг надо было ехать на учебу к третьей паре, и у нас также должны были начаться семинары еще по одному предмету. Однако к нам снова никто не пришел. Более того, на этот раз мы не смогли кого-либо обнаружить в опустевшем деканате, который как будто знал заранее о нашем приходе. По чистой случайности преподаватель нашелся к четвертой паре. Правда, к этому моменту уже не нашлась часть студентов, спокойно пообедавших и уехавших кто куда...

В пятницу нас вновь проигнорировали. Не буду даже рассказывать, как мы долго и упорно искали нашего преподавателя, который в это время вел занятие у другой группы... Вот уж поистине загадочное стечение обстоятельств.

Не пугайтесь, в субботу у нас по расписанию физра. Те, кто на нее все еще ходят, знают, что физкультура — это один из незыблемых предметов на психфаке. Наряду с английским и, как это ни покажется удивительным, правоведением, с которым нас вдруг решили-таки ознакомить на третьем курсе. Говорят, в следующем семестре будет ОБЖ. Что ж, я уже давно смирилась с нашим учебным планом, хотя до сих пор понять не могу, почему философию нам дочитали только до Аврелия Августина...

Вы скажете, что я зануда и лентяйка, потому что вместо того, чтобы сочинять

тут опусы про нелегкую студенческую жизнь, я могла бы сидеть себе преспокойно и читать Ницше, если уж мне так необходима философия.

Однако что-то неладно в нашем королевстве... И, наверное, нет смысла искать ответ на риторический вопрос «кто виноват?», а есть смысл задуматься над тем, «что делать?» и как сломать этот замкнутый, порочный круг, в котором студенты жалуются на преподавателей, а преподаватели перекалывают ответственность на деканат, а деканат на диспетчерскую, а диспетчерская на нехватку аудиторий... и так бесконечно.

Эх. У меня возникло предложение: а давайте прямо в расписании указывать телефон, по которому можно связаться с преподавателем. И так как студенты, по видимому, единственные, кто в курсе своих занятий, мы будем сами заранее оповещать о них преподавателей. Вы скажете, что я издеваюсь? Да нет, поверьте, мне просто грустно, что студенты должны отстаивать такие мелочи, как право заранее узнавать об изменениях в расписании... Нет, по большому счету это все лирика. И в этой ситуации есть один, но значительный плюс: во время неожиданно образовавшихся «окон» мы успеваем вдоволь пообщаться друг с другом. А может быть, так и задумано нашим деканатом? Этакая групповая «трепательная» терапия в качестве профилактики кризиса третьего курса?

P.S. Все вышенаписанное основывается на реальных событиях. Любые совпадения неслучайны.

Анастасия Хусид

История одной курсовой

Взлетная
полоса

8

Конечно, я могла сделать вид, что ничего не происходило. Но, будучи человеком ответственным, я бы все равно долго не выдержала. Поэтому лучше было и не пытаться что-то изображать. А происходило следующее. Жизнь была прекрасна и беспечна, и лишь изредка откуда-то издалека доносилось до моего сознания жуткое слово «курсовая». Со страшной силой закрутилось все во второй половине ноября, когда вдруг оказалось, что нужно срочно выбирать тему (благо с руководителем в лице И. А. Петуховой я определилась сразу) предстоящего научно-психологического дебюта. В поисках хоть какой-то мысли я забрела в книжный магазин и, бесцельно блуждая между книжными полками, увидела ЕЕ. Кто-то из имиджмейкеров сказал: «Имя создает впечатление. У вас никогда не будет второго шанса создать первое впечатление». Так вот, она звалась «Бархатная революция в рекламе». На первых же страницах книги (автором которой был Сержио Зимен, много лет успешно руководивший рекламной деятельностью компании Coca-Cola) я увидела те заветные, единственные и неповторимые слова: «Реклама, какой вы ее знаете, умерла... Реклама — это не искусство. Реклама — это способ продавать больше товаров большему числу людей как можно чаще и по более высоким ценам». Да, забыла сказать, что в том же ноябре я впервые побывала на Московском международном фестивале рекламы. Ну, это вообще отдельная история. В нескольких словах: ММФР — три дня мощнейшего креатива. «Как же так, — думала я, — неужели все фестивали — профанация? Делай рекламу — заколачивай деньги, а про креатив забудь?!» Вот тогда и появилась идея проверить, насколько творческая реклама психологически эффективна.

В качестве основного направления было выбрано изучение эмоционального отношения к журнальной рекламе. Сколько журналов было пересмотрено и распот-

рошено в поисках рекламы сотовых телефонов! И вот, наконец, у меня появилось 23 экспериментальных образца (как звучит!). Теперь нужно было, чтобы кто-то умный, разбирающийся в рекламе, оценил каждый образец по степени креативности. Три дня в Ленинке, и вот готов опросник на основе критериев творческого продукта МакФерсона. С ним и с рекламками бежим в рекламные агентства к креативным директорам, маркетологам, дизайнерам, ломаем руки, умоляем, мило улыбаемся и все такое прочее, только бы заполнили, опроснички-то небольшие, времени займет немного... «Что это было?» — спросишь ты. А это первый подготовительный этап работы, где применялся метод экспертных оценок. Получили результаты, теперь выбираем из всех экземпляров пять реклам, оцененных экспертами как наиболее креативные, и, соответственно, пять наименее креативных.

Что теперь? Правильно, еще три дня в Ленинке, после которых приходим к выводу, что исследовать эмоциональное отношение к чему бы то ни было замечательным образом можно с помощью цветового теста Люшера и психосемантических шкал. Последние составляем, основываясь на теории дифференциальных эмоций К. Изарда. Теперь самое сложное: найти тех несчастных, которые согласятся потратить свое драгоценное время, разглядывая рекламки телефонов, раскладывая в разном порядке цветные карточки и отмечая, какие эмоции вызывает та или иная картинка с мобильником. И кто же эти вечные страдальцы, проводящие часть своей жизни в заполнении разных тестов-опросников? Естественно, студенты! Раздаем бланки 20 девочкам и 20 мальчикам (да, здесь опять ломаем руки, умоляем, мило улыбаемся и все такое прочее).

Наконец, вот они, драгоценные данные испытуемых! Ой, мама дорогая, откуда ж их столько, да и что с ними делать?! Здесь начинается «увлекатель-

нейший» процесс математической обработки данных. (Ну, не будем о грустном.) Как будто уже все проанализировали при помощи факторного анализа и подсчета коэффициента ранговой корреляции и даже проинтерпретировали полученные результаты. Теперь хотелось бы узнать, а что получилось (и вообще, получилось ли что-то)?

Ура, коллеги! Был выделен фактор творчества! Оказалось, что те рекламы, которые были оценены экспертами как творческие, вызывают схожие эмоции у всех испытуемых, а именно эмоции удовольствия, удивления, восторга. А еще оказалось, что девушки более позитивно и ярко оценивают рекламу с мужским образом, а юношам, как вы догадались, больше нравится женский образ. Да, вот что еще интересно: всем как-то понятнее реклама, использующая человеческие образы в качестве своей основы. Эмоции, формирующиеся под влиянием таких экземпляров, ярче, точнее, их проще описать словами. Нужно сказать, что для юношей был выделен специальный фактор «стабильности», отсутствующий в факторной модели девушек. Вероятно, это объясняется тем, что юноши в большей степени склонны оценивать рекламу по степени ее уравновешенности или тревожности... И еще много чего интерес-

ного можно увидеть из результатов факторного анализа семантического дифференциала... Но был еще и цветовой тест Люшера. Оказывается, творческая реклама в меньшей степени, чем нетворческая, изменяет эмоциональное состояние испытуемых. Тут очень кстати вспомнился эксперимент, в котором трем группам людей показали разные рекламные фильмы об уходе за зубами. Первая группа смотрела эмоциональный фильм о последствиях плохого ухода за зубами (кровоточащие десны, искаженные от боли лица пациентов). Вторая группа смотрела фильм средней эмоциональной силы. Третьей группе показали обыкновенную информацию о гигиене зубов.

Фильм с наиболее сильной эмоциональной окраской произвел невысокий эффект. Только 8% опрошенных заявили, что последуют советам рекламы. Во второй группе этот показатель составил 23%, а в третьей группе — 36%. Таким образом, наиболее эффективной оказывается реклама с минимальным эмоциональным фоном! А в нашем случае это творческая реклама.

Вот и все исследование. И, кажется, неправы были те, кто считал рекламу не искусством, а курсовую — скучным бесполезным делом. И в том и в другом что-то есть, не так ли?

Свой среди чужих

Знай наших

Сергей Алексеевич Титов — один из самых любимых наших преподавателей. Про него без намека на панибратство так и хочется сказать — «свой». Своим он становится уже в страшные времена вступительных экзаменов, когда неожиданными остроумными шутками разряжает до предела накаленную обстановку. Он располагает к себе тем, что дает возможность всем студентам на семинарах и лекциях смело высказывать свои мысли, иногда самые неожиданные, и способен поддержать разговор на любую тему. Порой даже кажется, что для него нет областей, в которых он был бы некомпетентен. Вот такой и разговор на разные темы состоялся у нас с Сергеем Алексеевичем. Обо всем понемножку.

— **Сергей Алексеевич! Вы не психолог, но работаете в Институте психологии, среди психологов. В общении с психологами присутствует нечто специфическое? Вы не испытываете чувства одиночества?**

— Во-первых, я здесь не один «не психолог». Олег Юрьевич Ермолаев и Анна Борисовна Усенко — тоже из «других».

Кроме того, я обязан психологам. Горький говорил: «Всем лучшим во мне я обязан книгам». А я «всем лучшим во мне обязан Петуховым». Без них так и прозябал бы — неизвестно где и неизвестно как. Что касается общения с психологами... Конечно, в них порой проявляется гуманитарная дурь. Но нечасто. Все-таки психология — наука не гуманитарная, а экспериментальная. Она с математикой связана.

— **А на студентов ваши представления о психологах распространяются?**

— Студенты разные бывают.

— **Идеальный студент, по-вашему, какой?**

— Не скажу. Для одного преподавателя этот студент хорош. Для другого — тот.

— **Студенты по сравнению с прошлыми годами становятся хуже или лучше?**

— Никакой четкой закономерности уловить нельзя. Если судить по набору этого года, то придется печальные выводы делать. Но, возможно, в следующем году картина изменится, и придут замечательные ребята. Ну, а работать приходится и с теми, и с другими.

— **По общему мнению, вы вкладываете в свое преподавание нечто большее, чем передачу знаний.**

— Вообще-то я рассматриваю свое

преподавание и как общение, и как воспитание. Со студентами непременно надо общаться. Без этого и студентам будет скучно, и преподавателям неинтересно.

— **Семинар — одна из форм общения?**

— Конечно. На хорошем семинаре могут проявиться и преподаватель, и студенты. На семинаре можно от темы немного отклониться и о жизни поговорить. Особенно интересно, когда разговор уходит куда-нибудь в сторону и в нем возникает что-нибудь этакое, нестандартное. Нестандартные мнения высказываются.

— **Студенты умеют так разговаривать?**

— Нечасто. Но случается. То, что нестандартные суждения — редкость, не удивительно. В школе одиннадцать лет стараются, чтобы они вообще исчезли. Школьное образование у нас жуткое. Сплошная муштра. Поэтому и преподавателям, и студентам поначалу очень трудно.

— **А вас в школе тоже муштровали?**

— Нет, у меня хорошая школа была. Учителя почти все хорошие были, заинтересованные своим делом. Общались с нами. А теперь все в деньги упирается!

— **Вы хорошо учились?**

— Учился хорошо. Но был лентяем. Поэтому без медали остался. Немного не хватило.

— **А в институте у вас были любимые предметы?**

— Все зависело от лектора. Физика, химия — это было блестяще. Но я был жуткий прогульщик. Не любил на лекции ходить. А вот на семинарах мне нравилось.

— **Что важнее для того, чтобы человек стал хорошим профессионалом — внутренний интерес к профессии или хороший преподаватель, человек, на которого ориентируются как на образец поведения?**

— Без внутреннего интереса профессионалом не станешь. Что касается преподавателей... Для одного студента этот преподаватель хорош, для другого плох. Как и студенты для преподавателей.

— **А у вас в жизни был такой человек, который в нужный момент жизни вас направил?**

— Нет. Сначала я попал в очень плохие руки. Не столько учился, сколько с ним боролся. Мой «шеф» говорил такую ерунду, что мне приходилось робко, на правах младшего, но все-таки доказывать ему: это ерунда! Потом мне встретился интересный человек, но я учиться у него уже не мог: поздно было. Это было скорее сотрудничество, чем обучение. Ему уже 80 лет. Но он до сих пор заведует кафедрой.

— **Вы занимались естественными науками. Но, говорят, интересовались еще историей.**

— Историей и философией. По своей природе я вообще гуманитарий. Я и хотел быть гуманитарием. У меня даже

была идея в институт международных отношений поступать. Но мои родители перед окончанием школы меня так скрутили, что выбора не оставили. Резко так вопрос поставили: гуманитарий в совет-

ское время — это что такое? Ну, и сложилось так, что я биологом стал. Биология меня тоже всегда интересовала. Когда совсем маленький был, я любил про животных читать. Потом поступил в кружок юного биолога в Зоопарке. Но если ты биолог, гуманитарные

книжки при этом никто читать не запрещает!

— **Какие у вас любимые книги?**

— Какую книжку читаю, та в данный момент и любимая.

— **Такой писатель, как Венедикт Ерофеев, вам нравится?**

— Это гений. Я ведь рос в «глухое» советское время. Когда приятель притащил мне «Москва — Петушки», я обалдел. Даже не знаю, столько раз я ее читал. Наверное, раз десять.

— **А другие произведения Ерофеева?**

— Другие мне меньше нравятся. «Шаги командора» тоже ничего. Но «Петушки» — совершенно удивительная вещь. Когда она впервые попала мне в руки, это была и не книжка даже — машинописная копия. Ужасная. На папиросной бумаге. Но теща моего друга работала в Институте марксизма-ленинизма. Там был ксерокс, на котором копии получались лучше оригинала. Мой друг сделал для меня копию и переплел, а на обложку наклеил фотографию расписания электричек до Петушкова. У него дача была по этой дороге. Вот он расписание, которое в поездах вешают, и сфотографировал. Получилось уникальное издание. Мне его на день рождения подарили.

— **А еще вам что-нибудь интересное дарили на день рождения?**

— Так, хлам всякий. Чтобы специально с приколом — никто ничего не дарит. Ну, вот в прошлом году на юбилей машинку подарили (музыкальный центр. — *Прим. С.*). А так — ничего интересного. Так полагается, наверное.

— **Вот вам нравилась книга «Москва — Петушки». Вы в Москве родились?**

— Я коренной москвич. Не просто москвич. Нашему московскому роду уже 200 лет. Предок мой был из купцов, московский купеческий голова. Отстраивал Москву после войны 1812 года, за что потом получил дворянство. Так что я потомственный дворянин. По отцовской линии. А мать из Петербурга.

— **Вас и воспитывали по-дворянски? Вы что же — в школе не хулиганили?**

— Нет. Я был хорошим мальчиком. Послушным. Но терпеть не мог советский режим. Правда, активно ни в чем не участвовал. Бузил потихонечку с друзьями — и все.

— **На кухне?**

— На кухне кухарки должны находиться. Хозяева квартиры должны находиться в столовой или в гостиной. У меня все-таки в роду купцы первой гильдии по всем линиям. Купцы первой гильдии на кухне не сидели.

— **Пусть не на кухне — но запрещенную литературу читали?**

— Конечно. Все читал. Книжки, копии из рук в руки передавали. Того же Солженицына. Это сейчас по его произведению сериал сняли, а тогда он был под запретом.

— **Вы сериал «В круге первом» смотрели?**

— Смотрел.

— **А другие сериалы смотрите?**

— Ну как можно смотреть сериалы? Одну серию пропустил — и дальше ничего не понятно. А следить за этими сериями времени нет. Правда, «Мастера и Маргариту» я смотрел.

— **Понравилось?**

— В целом понравилось. Ожидал худшего. Боялся даже. Правда, Маргарита там все портит. Очень неудачная Мар-

По своей природе я вообще гуманитарий. Я и хотел быть гуманитарием. Но мои родители перед окончанием школы меня так скрутили, что выбора не оставили.

Грош цена тому преподавателю, который вышел, отбарабанил и ушел. Он должен общаться со студентами.

гарита, только раздражала меня. Она ведь ведьма, а начинает кривляться, кокетничать! И вообще — Маргарита не такой должна быть. И Кот какой-то нелепый. А остальные все ничего. Вообще это очень трудная вещь для экранизации.

— **Нам показалось, очень бедно снято...**

— И ладно. Это ж классика! Классику надо снимать без спецэффектов.

— **Из классики еще «Идиота» экранизировали. Смотрели?**

— «Идиот» мне совсем не понравился. Когда-то был фильм Пырьева «Настасья Филипповна». Вот это да! Хорошо вахтанговцы играли! Еще, говорят, был совершенно потрясающий «Идиот» в постановке Товстоногова. А этот сериал даже не досмотрел.

— **У вас есть любимый режиссер?**

— Нет. Опять вы за свое: все требуете, чтобы я вам про идеалы рассказывал. Двадцатый раз объясняю: режиссер может хорошим считаться, а мне его фильмы не нравятся. И наоборот.

— **Но речь не об идеале. Режиссер — это ведь как знак качества для фильма?**

— Ну, если о знаке качества... Я бы Рязанова назвал. Я практически все его фильмы смотрел. У него редко встречаются неудачи.

— **Из зарубежных режиссеров кого-нибудь выделяете?**

— Бергман великий режиссер. И Феллини. В первую очередь, конечно, Феллини. Его я много смотрел. Почти все.

— **А какую музыку слушаете?**

— Я люблю бардов. Это моя молодость: Галич, Ким, Высоцкий. Классическую музыку тоже люблю. И джаз.

— **В театр ходите?**

— Редко, времени не хватает. Если хожу, то в Вахтанговский театр.

— **Это все было о высоком. А теперь — о «земном». Что вы любите поесть?**

— Есть вообще не люблю.

— **Есть не любите, а курить любите. Это все знают. Вы когда курить начали?**

— Не рано. На первом курсе, в 17 лет. А попробовал незадолго до окончания школы. В ноябрьские праздники поехали мы с ребятами за город. Холодно, сыро, а мы праздновать на природе задумали. До выезда я иногда вино попивал — сухонькое. А тут вдруг водки предложили. Я попробовал: не противно. Вкусно даже. На следующий день раздавали водочные остатки — в первую очередь тем, кто промок. Так я очень убедительно свои мокрые штаны продемонстрировал — чтобы и меня не забыли! Потом закурить предложили. Говорят, по первому разу люди кашлять начинают. Даже тошнит некоторых. Со мной ничего такого не было. Закурил — и все тут. Без всяких проблем. Но самой привычке долго сопротивлялся. Сначала только раз в неделю курил. Потом — одну сигарету в день. Ну, а потом закрутилось: три сигареты, полпачки. В результате «приехал»: две пачки в день. Курильщиком стал заядлым. Теперь, как бы не болел, курить не бросаю.

— **Вам трубку курить нравится?**

— Нет. Она гаснет все время, эта трубка. Одна возня: вычищать, набивать... Зачем это надо?

— **А сигары? Кальян? Пробовали?**

— Сигары не интересно курить. Ими затягиваться нельзя... Что касается кальяна...

Был у меня кальян. Кто-то мне подарил. Это, наверное, был один из самых дурацких подарков за всю мою жизнь. Я один-два раза попробовал и кальян этот выбросил.

— **Про «дурные» привычки мы расспросили. Теперь про здоровый образ жизни спросить надо.**

— Ну, какой в моем возрасте может быть здоровый образ жизни? Раньше, конечно, было. В детстве в футбол во дворе гонял. А в студенческие годы серьезно борьбой занимался. Классической. Сейчас она греко-римской называется. В соревнованиях участвовал — в межвузовских. До третьего разряда дотянул. Еще я непрофессионально занимался конным спортом, много ездил. Любил конные походы. Удобно, рюкзак на себе тащить не надо.

Конечно, сначала научиться надо. Вот ты мучаешься, мучаешься, обучаясь. А потом вдруг научился! Возникает удиви-

тельное чувство: я, например, хочу повернуть направо. Только подумаю — и лошадь направо поворачивает. Я про себя: «Сделай-ка, лошадь, круг вон у того дерева!» И лошадь везет меня по кругу. Ничего делать не надо: только желания задумывая да покуривай!

Одно плохо: по ночам лошадей караулить надо. Они разбредиться могут, или медведь какой в гости пожалует. Поэтому надо дежурить. В горах ночью холодно. А ты сидишь у палатки, по сторонам смотришь. Спасало только то, что нас много было, по очереди дежурили. Случалось, что лошадь все-таки пропадала. Тогда собирались и шли ее искать, прыгая в полной темноте по камням. А вообще приятно ездить на лошади.

— **А на автомобиле? На автомобиле хотели бы ездить?**

— Нет-нет-нет! Я боюсь их до смерти, этих автомобилей. Никогда машину водить не хотел. Вот на лошади ездить — это здорово.

— **А на самолете? На самолетах летали?**

— Кто ж на них не летал?

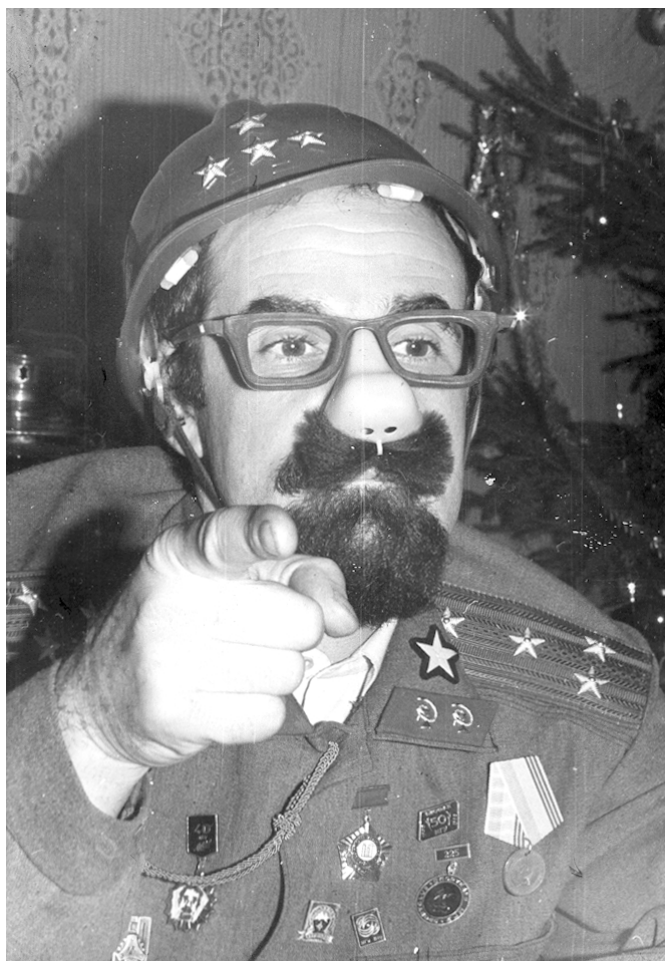
— **Не боитесь?**

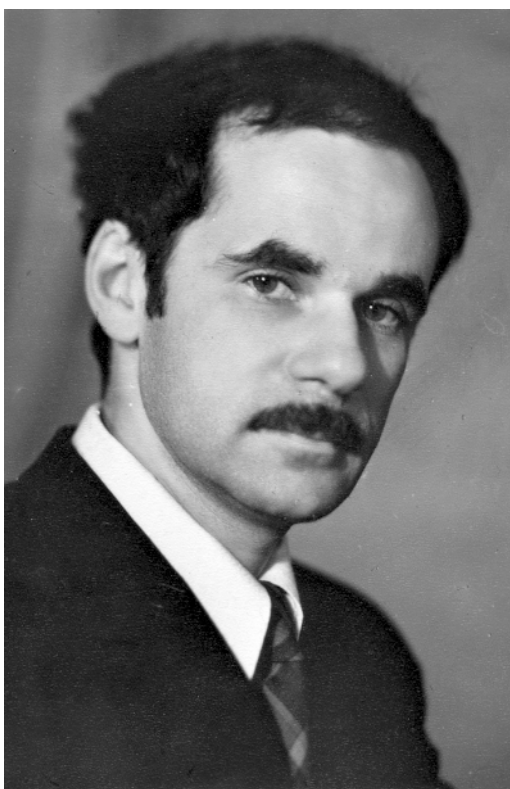
— Не боюсь. Самолет, правда, тоже летит не по моей команде. Но я знаю, куда он летит и куда меня доставит. Если, конечно, его террористы не захватят.

— **Вообще вы любите путешествовать?**

— В последнее время я старым стал, больным. Все путешествие — до санатория и обратно. А раньше любил по городам мотаться. В молодости в походы ходил. Когда возможность появилась, границу стал ездить. Париж видел, Лондон. Из советских городов мне Тбилиси очень нравился. А из нынешних, российских — Иркутск. Старый такой купеческий город. Добротное все построено. Ну, еще Архангельск любопытный городок, своеобразный. В Питере я много раз бывал. Но об этом говорить не интересно. Питер есть Питер. Европейский город.

— **Вы нам про книжки рассказали. Про дурные привычки. Про спорт. Про первую любовь расскажете?**

— Конечно, расскажу. Почему не рассказать. С первой любовью у меня так было. Лет в девятнадцать-двадцать я подружился с двумя сестрами. Влюбчивым меня назвать было нельзя, и ничего особого я к ним не испытывал: дружеские чувства, симпатию. Не более того. Но мы общались, в гости друг к другу ходили. И вдруг старшая в меня безумно влюбилась. Почему, я понять не мог. Вроде никаких авансов не давал, ухаживать — не ухаживал. Сказать о своей любви она мне побоялась. Написать решила: люблю, пишет, да и только.

Что делать? Девушка она хорошая, но я же чувствую: ничего серьезного у нас не будет. Не могу же я воспользоваться ее вот таким состоянием, чтобы роман завести? Это же неприлично. Я ей позвонил и честно сказал: ты девушка хорошая, но лучше бы нам просто дружить. Она немножко обиделась. А я, чтобы ей легче было с моим отказом справиться, сделал вид, что приударяю за ее сестрой. Только у сестры уже был друг. Оказалось, ужасно ревнивый. Он из-за какой-то малости скандал устроил, нахамил мне при людях. Пришлось врезать ему хорошень-

ко. В результате все перессорились, и девушку, которая была в меня влюблена, я очень долго не видел. Потом через несколько лет случайно встретил ее в какой-то компании: батюшки, она! Такая хорошенькая стала! Понравилась мне очень. Только теперь она меня отшила: ты, говорит, в свое время меня очень сильно обидел, а теперь я другого люблю. Я за него замуж вышла. С тех пор мы больше не виделись. Вот такая была история.

— **Подозрительно знакомая история. Кажется, нам ее еще в школе рассказывали.**

— Первая любовь — она первая любовь и есть. Тут особого разнообразия ждать не приходится. Все, замучили вы меня совсем своими вопросами.

— **Сергей Алексеевич, самый последний вопрос! Как вы относитесь к культовому месту студентов — дворику?**

— К дворику? Ну, как? Выглянешь в окошко — все свои на лавочке сидят. Мне все видно: кто что пьет, кто с кем пьет. Летом выйду на балкон и руковожу событиями. Даю советы начинающим. Интересно...

В психологии нет рецептов

Во время каникул в г. Алексине состоялась выездная психологическая школа. О том как она проводилась рассказывают ее организаторы и участники

Идентификация П.

Когда мы с коллегами, друзьями — студентами, аспирантами из других вузов — проектировали зимнюю психологическую школу, самым важным для нас был вопрос о самоопределении в профессии. Я помню себя и своих однокурсников в начале обучения на психфаке: для нас этот вопрос был также актуален. Для некоторых он актуален до сих пор.

На ранних курсах студенты, как правило, плохо себе представляют профессиональную деятельность и совсем не представляют, чем они в дальнейшем хотят и могут заниматься.

Хотелось бы, чтобы эта школа помогла ее участникам познакомиться с тем, что происходит в сфере практической работы психолога. Попробовать, что из этого им нравится или не нравится.

Кроме того, дополнительной целью зимней психологической школы мы ставили побуждение студентов к рефлексии того, что они делают в процессе обучения на психологическом факультете. Чтобы студент, будущий психолог, научился задумываться и объективно оценивать свои профессиональные действия: что я делаю, зачем делаю, какими методами, насколько они адекватны поставленной задаче. Ведь

в психологии нет рецептов. И этот миф о том, что рецепты возможны, нам хотелось бы развеять. Показать, что в каждой ситуации приходится думать, в каждой конкретной ситуации приходится спрашивать себя, прежде чем сделать любой шаг.

Мы спроектировали школу по модели деловой игры. Предполагалось разбиение участников школы на малые группы по различным психологическим направлениям. Студенты должны будут самоопределиваться в рамках предложенных сфер. Наша задача — проблематизация каждого направления и представления о психологии в целом.

Еще одной из возможных целей данной школы было появление в РГГУ научно-студенческого общества, научно и практико-ориентированного. В идеале должна появиться какая-то группа людей, которым что-то станет надо. Эти люди будут обсуждать разные волнующие их вопросы, искать ответы на них. Если такие люди найдутся и начнут вместе работать, это, наверное, будет самым важным и существенным для школы.

У нас не самый большой опыт проведения подобных мероприятий. Более пяти лет назад была школа, которую проводил В.Ф. Спиридонов. Одним из участников и организаторов той школы была Олеся Михайловна Куколева.

Но это было давно. С тех пор зимние психологические школы от РГГУ больше не проводились...

16

ЗПШ: как оно было

В большой просторной комнате с расставленными вдоль стен маленькими стульчиками на расстеленных спальниках лежат... психологи. И ты находишься среди них.

Какой может быть кризис третьего, да и любого курса, я вас спрашиваю? Какие вообще могут быть кризисы и сомнения в себе? Здесь ты тот, кем мечтал быть. Как у Гришковца, который вдруг проснулся настоящим матросом. Сняты все проблемы профессиональной идентификации. Остались только тонкости с выбором сферы деятельности.

Это совсем не так, как на футбольном поле:

— Вы кто?

— Мы — психологи.

— Ясно. Мы — ФД. Будем играть в футбол, психологи... — И понеслось. Это все равно как «вы из какого двора?».

Для меня самого за словом «психолог» не стояло почти ничего осмысленного, пережитого или выстраданного. Я не о «страданиях», возникающих при «проскакивании» на сессии, мучительном рассказе далекой родне о будущей профессии. Я говорю о настоящем переживании. Чтобы самому понять и принять.

А здесь я — студент-психолог. И ни у кого из лежащих рядом или вокруг в этом нет никакого сомнения. Классическое «зеркальное Я»: все видят меня психологом. Я вижу, каким меня видят. Я хочу таким быть. Мне незачем сомневаться. Никому не надо ничего доказывать или объяснять.

И когда в ЗПШ ко мне подходит психолог-аспирант или психолог-студент из другого вуза и искренне говорит: «Дорогой коллега...» — душа переполняется неожиданным новым чувством. Меня уважают. Уважают психологи. Как психолога,... находящегося в процессе овладения профессией. Пусть еще не определившегося в туманной сфере возможностей и перспектив, но пытающегося —

уважают уже за это. И остаются наравне, без зазнайства и снобизма. Как это важно и приятно, когда тебя называют коллегой...

Я участвую в подобном выезде впервые. И меня охватывает даже некоторое отчаяние. Хочется воскликнуть: «Ну почему так поздно? Почему нельзя было свозить меня сюда раньше? Помочь, подтолкнуть в дебрях определения?»

В одной частной школе, в которой я учился, была традиция: в сентябре все выезжали на две недели в лагерь. Там мы учились, знакомились, играли. Возвращались обратно уже со сложившимися представлениями о традициях школы, об учителях, сдруженными, готовыми учиться дальше вместе. Вот бы выезжать с первым курсом в ЗПШ! После их первой, нашей — очередной, сессии.

В этой ЗПШ были не только наши студенты. Были несколько аспирантов и студентов-психологов психфака Высшей школы экономики, был народ, закончивший МГППУ, учащийся в МГУ... Отличный народ. Готовый поделиться опытом и потешить байками, провести тренинг, поучаствовать в твоём.

Ведь очень важно сейчас — я не устану об этом говорить — видеть то, что бывает с людьми, закончившими психологические факультеты. Практикующих, выпускающихся. Спросить у них, посоветоваться, пожаловаться... А кто-то пожа-

лется тебе. Ты же психолог. Без сомнений. Ты начинающий студент-психолог...

Мы жили в детском садике. Детей не видели, они незаметно сосуществовали в соседнем крыле садика. Зато мы находились среди игрушек, спали на маленьких кроватках. Для непосвященных объясняю технологию (вдруг пригодится?): три детские кроватки сдвигаются вместе. Если лечь поперек, получается большая двуспальная кровать. Только с тремя провалами по середине. Поначалу, кстати, даже порции в столовой были маленькие. Но потом все вошло в норму.

Режим был суровый. Подъем в восемь утра, отбой... его не было вовсе. В восемь приходил Слава Степанов. Он почти не ел, почти не спал — но всегда был весел, отзывчив, запредельно пунктуален и трезв. При этом он следил за соблюдением порядка, встречал гостей и курировал группу ученых. Лично мне было абсолютно непонятно, как он так завидно функционирует — то ли это следствие гиперответственности, то ли вера в то, что школа будет такой, как запланирована. И она действительно состоялась во многом благодаря Славе.

Участникам зимней психологической школы предлагалось выбрать одно из

четырёх направлений, которым они, возможно, предпочтут заниматься в будущем. Для тех, кто решит посвятить себя науке, предлагалась исследовательская работа в психологии. Для педагогических психологов — психология развития. Психологам, жаждущим помогать тем кто страдает или недоволен собой, — психотерапевтическая. А для жаждущих разбогатеть и предаться бизнесу — психология организаций.

У каждой группы были свои кураторы — умные и веселые молодые аспиранты, уже работающие в данном направлении молодые психологи. Все обучение, беседы и споры происходили в непринужденно-профессиональной обстановке — в микрогруппах, лежа на спальниках, сидя на детских стульчиках, или во время динамичных ролевых игр. А вечером каждая группа рассказывала остальным в интерактивно-захватывающей форме о том, что произошло за день.

Работы и исследования в группах по направлениям перемежались тренингами и мастер-классами.

И понимаете, какое дело: ведь это была наша ЗПШ, РГГУшная! Здесь мы были хозяевами... но тренинги и мастер-классы проводили в большинстве своем не наши специалисты Института психологии им. Л.С. Выготского, а «наемные»...

И огромное спасибо Елене Павловне Белинской и Алене Игоревне Прихидько! Я уж не знаю, почему никто больше не приехал. Вы много потеряли, господа преподаватели!

Мы потом говорили: «Да, вот это — наши! Крутые? Крутые. Мы у них учимся, и они нас учат!»

Ведь преподаватель — это не учитель. Его дело не только у доски стоять. Хотя, если посмотреть, то и хороший учитель у доски долго не стоит. А мастер-класс — это здорово. Когда, наконец, преодолеваешь расстояние между первой партой и кафедрой и спрашиваешь, впитываешь, вслушиваешься. Именно это является передачей профессионального опыта, настоящим обучением.

Когда видишь своего преподавателя в деле — вызывающего уважение у приглашенных чужих студентов профессиональным проведением тренинга и личной харизмой, — думаешь: «Ведь вот какие люди меня учат, а? Не могу ударить лицом в грязь. Пора заниматься!» И чувство гордости в душе, и уверенность в завтрашнем дне...

Интересно, что в ЗПШ было совсем не много отличников. Казалось бы, успешным, быстро сдавшим сессию людям прямая дорожка к углубленному изучению сданного материала или расширению круга психологических тем и интересов. Так нет.

Про другие курсы ничего сказать не могу, но весомую часть третьего курса составили мучившиеся всевозможными вопросами бытия «пересдачники» — люди с нестабильной успеваемостью. Отличники решили отдохнуть от ненавистной учебы и поехать, например, на параллельный коллективный выезд в дом отдыха по студенческим путевкам, или еще куда. Но туда, где не пахнет психологией. А нам, не уставшим от интенсивного обучения в семестре, было совсем

не в лом поехать поучиться еще... или просто, наконец, поучиться.

Одним из основных организаторов выезда была Клара Михайловна. И хотя ее участие было не всегда заметно в массовых собраниях, ее покровительство и поддержка чувствовались в любой момент времени. Взяв на себя целиком и полностью общение с администрацией сада, Клара Михайловна всегда помнила о полусотне участников школы.

Если все хотят есть, Клара Михайловна жарит на всех хлебцы. Если остается гора невымытой посуды, то она незаметно тает под заботливыми руками Клары Михайловны. А если тебе вдруг стало грустно, одиноко, тебя начинают съедать опасные мысли и мучить пагубные тенденции — тебе обязательно надо найти Клару Михайловну. И поговорить. Просто посидеть с ней рядом и послушать. И все, поверьте, станет хорошо. Правильно кто-то из участников ЗПШ написал: «К.М. — мать студента!». Никто из преподавателей и сотрудников нашего института не общается с нами так понимающе. С таким участием, юмором и искренностью. Видно, психологом можно просто родиться...

Анна Чашкина

Наука о душе?

Идентификация П.

20

Удивительный день! Я открываю глаза и понимаю — мне почти 20. С этой ужасающей и неожиданной мыслью, собравшись с духом, сползаю с дивана и иду к зеркалу. На меня смотрит злыми и сонными глазами мое отражение, взглядом ругая меня за то, что снова заснула только под утро. «Я тоже рада тебя видеть», — шепчу я, ухмыляясь, и иду заваривать кофе, по дороге традиционно обмениваясь «любезностями» с разбудившей меня мамой.

— Что ты по утрам такая нервная? — это мне от нее вместо «доброе утро».

— Не с той ноги встала, — всячески стараясь избежать продолжения «банкета», отвечаю я и скрываюсь в своей комнате.

— У тебя, наверное, обе ноги не те...

Странно, но сейчас мне кажется, что все так и было всегда, что каждое утро начиналось именно так, что не было никакого прошлого, никакого раннего и позднего детства, не было никаких переходных периодов и кризисов, что я всегда была вот такой...

А какой такой? Тут же вспоминаю свое диковатое выражение лица в зеркале со взъерошенными, как у панка, волосами... Очень живописная картина, жизнеутверждающая. Вот так посмотришь на себя любимую утром в зеркале и... Стоп! Ведь это только внешность, и, слава богу, с утра.

Я не могу вспомнить ни одного события в своей жизни, которое спровоцировало бы меня задуматься над тем, что я из себя представляю и где мое место в жизни. Они определенно были, эти моменты, но я в упор не припоминаю, чем все это заканчивалось. А ведь я учусь на психолога, и мне по статусу, так сказать, положено заниматься «самокопанием». Вроде бы все предельно просто: закончила школу, поступила в институт, с профессией определилась, да и с работой тоже, а все-таки чего-то не хватает.

Почему я, собственно, психологию выбрала? Почему не пошла учиться на философа, хирурга, повара, дизайнера, не поступила в технический институт в конце концов? Я пошла на психологию не в порыве гуманизма и любви к людям, желая кому-то помочь, не из наивного, по сути, желания научиться понимать людей или, не дай бог, управлять ими, и даже не в связи с остаточным явлением детской жестокости, выражающимся в желании ставить эксперименты на животных с отрицательным подкреплением. Чем еще занимается психолог? Изучает поведение, реакции, человека, личность, индивида, деятельность... душу. Дословно психология — это наука о душе. Вот и я хотела просто разобраться в себе, в своей душе для начала. И это «просто» оказалось самым сложным...

Есть такая пословица: «Чем дальше в лес, тем больше дров». Это как раз к вопросу о самокопании: чем глубже копнешь, чем на большее количество вопросов ответишь, тем больше их появляется, и никакого «света в конце тоннеля». Еще красиво говорят, что чужая душа — потемки. Но что уж говорить о понимании чужой души, когда у своей не видно ни конца, ни края...

Вот я уже сижу в институте и с интересом рассматриваю проходящих мимо людей. Они все разные, и не нужно изучать дифференциальную психологию и психофизиологию, чтобы это заметить: толстые и худые, смеющиеся и грустные, модники, отличники, двоечники, читающие книги, уткнувшиеся в сотовые телефоны, более взрослые и менее взрослые, одни — в самом центре шумных компаний, другие — где-то в сторонке... И прямо скажем, не все из них — психологи. Интересно, а они задумывались о своем месте в жизни, среди других людей, пытались порыться в себе? Неужели разобрались?... А я тут сижу и голову ломаю. А может, им вполне достаточно того, что они уже о себе знают?

О! Знакомые лица, такие же «душеведы», как и я! Сейчас точно пойдем курить. Так и есть, опять угадала.

Стоим кучками, курим. Каждая кучка разговаривает о чем-то своем. Кто-то судорожно рассказывает мне о своих проблемах, делах, приключениях, и я, как обычно, внимательно слушаю, стараясь «периферическим слухом» уловить что-то полезное для себя и из чужих разговоров. Мой собеседник закончил и вопросительно смотрит на меня, ожидая поддержки, а я в свою очередь стараюсь самым понимающим на свете взглядом смотреть на него, но из головы не вылетают прежние мысли. Так вот всегда: слушаешь кого-то и непроизвольно все «меряешь» на себя, сравниваешь, анализируешь в надежде на то, что, сумев понять этого кого-то, подберешь ключики и к пониманию себя. Ага! Щаз! Нас ведь учили, что личность в каждый новый момент времени уже не равна самой себе в предыдущий момент! Значит, не успел ты понять человека, как он уже сам себе не равен?! Вот и попробуй тут пойми, что к чему.

Когда думаешь о чем-то подобном, не замечаешь, как время летит. Я уже давно дома, да и время уже не детское... Четыре утра. Наверное, уже пора спать... уже часа четыре назад было пора. Ну и создала же я себе фрустра-

цию! «Бегом спать!» — где-то внутри истерично и в то же время с ноткой мольбы завопил внутренний голос. К себе надо прислушиваться, и я медленно захожу в комнату... и натываюсь взглядом на фотографию маленького ребенка в рамке. Кого-то он мне напоминает... взъерошенные, почти стоящие дыбом волосы, испуганные глаза... господи, да это же я! Кто-то явно сильно меня напугал, когда я на свет появилась...

Значит, было прошлое, было детство, были кризисы и переходный возраст. Значит... я не всегда была такой. А какой такой? Да просто такой как сейчас, сегодня, в данный момент времени и в данном месте, со всеми недостатками и достоинствами, привычками и переживаниями, со всем своим прошлым опытом и планами на будущее. И место мое в жизни — просто здесь и сейчас, а не там и потом.

И пусть такое объяснение слишком поверхностное, слишком общее, ничего толком не объясняющее, но мне его сейчас вполне достаточно. В конце концов, если бы каждый мог ответить для себя с математической точностью на все похожие вопросы, наверное, не нужна была бы никому «наука о душе», и я не стала бы тем, кто я есть, и уж точно не пошла бы учиться на психолога.

Новый год по-китайски

Все мы Новый год справляли по-разному, но одинаково весело.

О том, как Новый год справляют в Китае, современной стране с вековыми традициями, нам рассказал наш друг и коллега Витя.

Хотя на самом деле его зовут Хао Чживэй. Согласно китайской грамматике, сначала пишется фамилия, а потом имя.

Слово Чживэйю.

Новый год в Китае справляется в конце января и в начале февраля. Точная дата каждый год немного меняется. В этом году это было с двадцать девятого января. Конечно, это семейный праздник. Все члены семьи собираются вместе за столом, и обязательно надо приготовить китайские пельмени, которые называются «тияо зи».

Они немножко отличаются от пельменей, которые едят в России. Китайские пельмени имеют более вытянутую форму и самые разные виды начинки. Там может быть даже не один вид начинки, а сразу несколько. Можно положить мясо с овощами или нарезать креветки на мел-

кие крошки и тоже смешать с овощами. Можно даже сделать сладкую начинку из красного сахара. Но такие пельмени будут больше похожи на пирожки.

Вы знаете, что если поставить пельмени на тарелку, то через какое-то время они начнут слипаться. Это является символом отношений внутри семьи — родные люди все время должны быть вместе, держаться ближе друг к другу. Пельмени выступают как символ такой близости.

Елки в Китае нет. Можно сказать, что главное — собраться вокруг стола.

Рассказываю, как я проводил Новый год, когда жил в Китае. Можно сказать, что у нас в семье достаточно традици-

онный способ проведения Нового года. Хотя сейчас, под влиянием западной цивилизации, скажем так, американизации, уже многие китайцы нетрадиционно справляют это праздник. Ходят в рестораны или идут на массовые гуляния. Люди собираются вместе, но уже не у себя дома, а идут на какую-нибудь тусовку всей семьей.

Когда я был в Китае, за день перед Новым годом мы обычно выходили на улицу, чтобы наклеить на двери своей квартиры и вокруг окон специальные новогодние картинки. Они продаются только перед Новым годом. Обычно это рисунок на красном фоне. Он сделан на большом куске бумаги в форме ромба.

Чаще всего там нарисованы рыбы и дети. Дети — это символ будущего. Рыба называется «иуй», а «иуй» по-китайски произносится так же как слово, которое означает «остаток». Ведь после каждого года есть какой-то остаток в материальном смысле, какие-то сбережения. Грубо говоря, всегда можно жить на те деньги, которые остались или появились в прошлом году.

И, между прочим, рыба — это питательная, вкусная еда, и есть рыбы очень красивые. Поэтому обычно на новогодних картинах рисуют детей и рыб.

На Новый год и рыбу едят. Хотя в застолье пельмени играют гораздо более важную символическую роль, рыбу тоже принято есть на Новый год. Она считается праздничной пищей.

Существуют также традиционные новогодние наклейки-украшения. Есть специальные новогодние надписи, которые надо наклеить на дверь квартиры. А стены украшаются такими длинными тоненькими бумажками, тоже с красным фоном. На них обычно написаны какие-нибудь красивые стихотворения или народные пословицы. Раньше все эти надписи делали вручную тушью. Но теперь

можно уже не обладать каллиграфическим подчерком, да и многим лень самим делать эти украшения. Их теперь можно купить.

Новый год наступает в двенадцать часов. Пьют на Новый год рисовое вино. Говорят, что европейцам оно не очень нравится, потому что имеет довольно сильный и весьма специфический запах. Кстати, оно весьма крепкое: сейчас уже делают сорок градусов, а раньше было пятьдесят. Вы скажете, что это уже не вино. Но это вот такое специальное рисовое вино. Оно белое, как водка. Иногда могут пить просто пиво.

Проблемы алкоголизма в Китае нет. Люди пьют, но обычно в меру. Если валяются, то дома, наверное. Не принято, чтобы кто-нибудь напивался и потом лежал на улице.

После двенадцати начинается сам процесс празднования Нового года. Все дарят друг другу подарки. Есть интересная традиция: пожилые люди на каждый Новый год дарят детям красные кошельки. В Китае связи между членами семьи очень крепкие. И принято, что пожилые люди работают, для того чтобы помогать своим детям.

В такой красный кошелек совсем не обязательно класть много денег, обычно 50 или 100 юаней бросают одной купюрой. Это просто такой символ.

Раньше было принято так: красные кошельки дарили тем, кого считали ребенком, то есть тем, кто еще не женат или не замужем. Просто раньше люди рано выходили замуж или женились — в 18-20 лет. А сейчас это уже может произойти достаточно поздно, и традиция изменилась. Ведь немного нелепо дарить тридцатилетнему мужчине красный кошелек. Сейчас такие кошельки дарят тем, кто еще учится в школе или в институте.

На Новый год у нас собираются обычно человек восемь. Родных братьев или

сестер у меня нет, к нам приходят мои бабушка и дедушка. По материнской линии бабушка и дедушка живут в другом городе. Вот и получается: мои родители, я, брат моего отца и его жена, их сын и бабушка с дедушкой. Достаточно большая компания.

В новогодний вечер происходит «парад каналов». На центральном канале происходит грандиозный новогодний парад, приглашают самых знаменитых актеров со всего Китая. И это длится очень долго, обычно начинается с восьми часов и заканчивается только в час.

Ровно в полночь, после того как колокол пробьет двенадцать ударов — как ваши куранты, начинают транслировать обращение президента. Но сейчас жизнь стала более разнообразной, и многие больше не смотрят эту программу. Хотя она идет каждый год обязательно.

Новогодний вечер называется «Фестиваль весны». Поскольку сейчас празднуется первое января — западный Новый год, то Старый Новый год, китайский, называется по-другому.

За пятнадцать минут до наступления Нового года люди выходят на улицы с

огромными пачками петард и хлопушек. У меня в семье тоже все взрывают хлопушки. Они маленькие, связанные друг с другом в одну линию на веревочке. Получается длинная цепь. Когда зажигаешь, они взрываются одна за другой. Есть разные хлопушки: так называемые «двести звуков», а есть и «пятьсот звуков». Как пулемет: тых-тых-тых-тых!

Забавно, вот вспомнил, что раньше я обычно после двух часов ночи, несмотря на то что происходило на улице, уже спал. Сейчас сам удивляюсь, как я мог тогда заснуть под такую канонаду!

У меня в семье обычно петардами занимается дядя. Приходит с длинной палкой, на которой висит такая длинная-длинная связка петард. Мы всегда покупаем самые большие, даже из тысячи звуков. Короче, в новогодний вечер грохот стоит невообразимый. Все небо сверкает от кучи самых разных фейерверков. Потом этот запах пороха чувствуется еще несколько дней после Нового года. А наутро весь город в дыму.

После двенадцати часов все поздравляют друг друга с Новым годом. Я всегда встречаю этот праздник в семье, к друзьям не ухожу. Кто-то уходит, но я — нет. Мне и с семьей достаточно весело.

В Китае в гости идут обычно на следующий день. Новогоднюю ночь нужно проводить в кругу семьи. А на следующий день уже навещать друзей.

Есть традиция: женщины, когда выходят замуж, переезжают жить к мужу. И принято, что на второй день после Нового года женщины ездят со своими детьми к своим родителям, обычно с мужем.

Дарят друг другу какие-нибудь сувениры в виде рыб или в виде животных, которые являются символом Нового года. Хотя сейчас в Китае есть и Санта-Клаус... Вот наступил год Собаки, и все дарят друг другу игрушки в виде собаки. Сейчас еще оригинальнее: могут подарить живых животных. Могут щенка подарить. Так приятно...

Послушайте внимательно: в Китае собак не едят! А если и едят, то, я бы сказал, это совсем не популярно.

И чау-чау — это древняя китайская порода. Ее никогда не ели. Хотя императоры в Древнем Китае ели языки чау-чау. Языки у этих собак фиолетового цвета. И было поверье, что это имеет какое-то целебное свойство. Поэтому императоры ели языки чау-чау. А кроме императоров никто их больше не ел, ни языков, ни мяса. Да эти императоры чего только не ели...

Изначально чау-чау вообще появились как сторожевая порода. Они только выглядят так мило: густая шерсть, мордочка симпатичная... На самом деле чау-чау может быть очень злой.

Сейчас, в современном Китае, чау-чау считается одной из самых дорогих пород собак. Вряд ли кто-нибудь покупал бы их за несколько тысяч иен, чтобы просто съесть.

Существует специальная порода собак, которых используют в пищу. В Китае она называется «травяная собака». Травя — символ чего-то повседневного, обычного. Травя растет везде: на газонах, в любом парке, в лесу, на улицах. У этих «травяных собак» короткая шерсть, и они очень быстро растут, гораздо быстрее, чем другие породы.

Но я их ни разу не пробовал. Я не ем собачье мясо. Скорее, это больше популярно в Корее. У них это как традиция. На Севере, где я жил, обычно едят говядину, баранину, свинину.

Если говорить об экзотической пище, то в северной части Китая это разные сорта моллюсков: морские гребешки, устрицы. Их много видов. Это, наверное, наиболее экзотические блюда для европейцев. Можно еще упомянуть разные виды крабов, креветок. Короче, морепродукты.

В южной части Китая все по-другому. Там большую часть занимают джунгли. Естественно, там экзотическая пища совсем другая: разные виды птиц, речных рыб, крабов.

Я лично очень хорошо отношусь и к европейским кухням. Спокойно ем пищу и перекусываю в том же Макдоналдсе. Я вообще человек, который любит сытно и вкусно поесть.

Развлекаются в новогоднюю ночь по-разному. Очень по-разному. Взрослые или пожилые люди могут играть в китайские шашки. По-китайски они называются «мацянь». Хотя ваши обычные шашки и называют по-русски «китайскими шашками», но я не замечал какого-либо сходства между этими двумя играми. Эта игра есть только в Китае. Даже в Японии и в Корее ее нет. И, должен признаться, это очень сложная и очень интересная игра.

Каждая «шашка» выглядит как небольшой квадрат, размером 3-4 см, толщиной 2-3 см. Раньше их делали из кости. Сейчас дешевые делают из обычной пластмассы.

На каждом кубике-шашке имеется свой рисунок. И каждый рисунок что-то означает. Всего этих кубиков сто восемь штук. Рисунки на кубиках делятся на несколько тематических серий. В каждой серии одинаковые рисунки: ветра, птицы, цветки... Задача каждого игрока — собирать определенные комбинации узоров. Каждая комбинация оценивается по-разному.

В эту игру играют четыре человека. И каждый собирает свою комбинацию, свой узор. Правда, это очень сложная игра. С первого взгляда она кажется очень незамысловатой, но если ты просто знаешь правила, то никогда не выиграешь. Потому что в процессе игры нужно учитывать много факторов, всех союзников и врагов — никогда не знаешь, кто есть кто.

Молодые люди не любят в нее играть. В этой игре необходимо тренироваться и много думать. А молодежь это не очень любит. Вот, например, если кипятиться —

обязательно проигрываешь. Очень трудно это описать, но есть такие пожилые люди, опытные игроки — они играют так, что у них ни один мускул на лице не дрогнет. Меня всегда восхищает такое самовладение.

Молодежь ходит в какие-нибудь бары, рестораны. Китайцы, кстати, очень любят караоке. Для них караоке — это как в России танцы. Хотя танцы там, конечно, тоже есть.

Есть даже такие специальные места для развлечений, где много отдельных комнаток, и в каждой комнатке — телевизор, стол, диваны. Там можно перекусить и заказать себе караоке. В Китае такое времяпровождение очень популярно.

Я тоже пою, конечно. Особенно, когда езжу в Китай. Нас приглашают родственники, которые давно нас не видели, приходят друзья, и мы вместе поем песни.

Почти все песни китайские, но есть и песни на английском. На английском я знаю пару песен всего лишь. И нечасто их пою, потому что многие поют их лучше, чем я.

Музыкальный слух есть почти у всех китайцев. Наверное, это связано с тем, что китайский язык — тональный. В нем четыре звуковых тона. Почти во всех европейских языках есть только два тона.

Допустим, звук [а]. Первый тон — это [а], ровненький; второй тон — [а] вверх, третий тон — [а] сначала вниз, потом вверх; и последний тон — [а] вниз.

Сейчас караоке есть во всех ресторанах. Поют там непрерывно. Особенно девушки любят петь. А кто-то танцует медленные танцы, пока другие поют.

Слушаю я самую разную музыку. И китайские, и американские группы, и некоторые российские. Считаю, что Юлия Савичева из «Фабрики звезд» неплохо поет, с удовольствием слушаю ее песни.

Вот еще есть популярная «китайская» песня «Подмосковные вечера». Вообще, в Китае очень много людей знают советские песни. Они даже переведены на китайский язык. «Если б знали вы, как мне дороги...» Хотя я сам эту песню знаю только на русском.

Ведь в Китае раньше тоже был коммунизм, и советский народ считался нашим «Большим братом». Поэтому мы очень много культурных достижений перенимали из Советского Союза.

Считается, что от первого числа первого месяца по лунному календарю до пятнадцатого числа первого месяца — это все Новый год, полмесяца его наступление празднуют.

В это время у школьников каникулы, у рабочих отпуск. Люди просто отдыхают, развлекаются. Потом на пятнадцатый день — тоже праздник.

На последний день праздника едят специальную пищу — круглые пирожки, сделанные из риса с начинкой. Обычно они сладкие. Традиционные виды начинки — это кунжут с сахаром или сухофрукты. И по телевизору есть специальная программа, и тоже все веселятся и празднуют.

Кстати, все это похоже на то, как Новый год справляется в России: сначала первое января, потом седьмое — Рождество, а тринадцатого января — Старый Новый год. Получается тоже почти пятнадцать дней непрерывного веселья. И в Китае все празднуется с первого по пятнадцатое число.

Но я, конечно, Новый год первого января отмечал. Все как полагается: с елкой и так далее. Только вот елка у меня ненастоящая...

Елизавета Новорадовская

Путешествие в град Китеж

Практика

Все мы знаем легенду об исчезнувшем городе Китеже. Но Китеж существует на самом деле — это крошечный поселок в Калужской области, с населением около шестидесяти человек. Окруженные лесом, засыпанные снегом стоят маленькие деревянные домики с башенками и резными окошками. Неужели место это действительно сказочное? «Да!» — сказали мы, как только увидели все это волшебство. Мы — это восемь студентов третьего курса, добровольно отправившиеся на практику в неизвестном направлении.

Китеж — это так называемое «терапевтическое сообщество», в котором вот уже на протяжении двенадцати лет живут семьи с приемными детьми, педагоги, психологи, волонтеры, гости, студен-

ты. Дети попадают сюда из детских домов или неблагополучных семей и, если им нравится — а им, безусловно, нравится, — они остаются здесь и становятся полноправными членами общины. В Китеже они получают психологическую помощь, заботу и любовь, находят себе друзей, ходят в школу, играют в театре, становятся участниками ролевых игр, путешествуют — в общем, живут нормальной полноценной жизнью. Взрослые и дети общаются по принципу равенства, все обращаются друг к другу на «ты», помогают и уважают друг друга, никто никого не наказывает, все честно и справедливо.

Мы, разинув рты, слушали рассказы членов общины о самом чудесном месте на Земле, аналога которому нигде в мире не существует. Мы видели, какие

27

замечательные дети обрели здесь дом и семью, как все хорошо и благополучно — просто идеально! Пойдите.... А разве так бывает? Мы такими вопросами не задавались, но ответы на них пришли к нам сами через некоторое время.

Сперва мы повстречались с Дмитрием — основателем Китежа. Это человек с богатым жизненным опытом и философским взглядом на мир. За чашечкой чая мы вели беседы о смысле жизни, любви, свободе и, конечно, психологии: студенты слушали — Дмитрий говорил. Мы задали вопрос: «А как создавался Китеж? Какая идея лежала в его основе?» Ответ, который мы получили, откровенно нас удивил, даже шокировал. Оказывается, Дмитрию хотелось построить идеальное общество, где было бы комфортно жить ему самому, но — как выяснилось позже — идея эта утопична, и общество не состоялось, а появился Китеж. Так... Маленькая неуязвочка: а какое место в данной «псевдоутопии» отводится детям? Ну, а детей поначалу как-то не предполагалось...

Немного озадаченные, но все же очарованные Китежем, мы занялись нашей психологической работой — тесты, опросники, анкеты и прочее, прочее, прочее. Дети всегда с радостью выполняли все, даже самые нудные задания, не отвлекаясь. Сложновато было с совсем карапузами: они быстро уставали и не могли сосредоточиться. То, как с этим «непослушанием» справляются педагоги, мягко говоря, повергло нас в ужас: детей прямо при нас заставили отжиматься на кулаках!.. Вечером в столовой мы лицезрели еще одно странное событие — суд. Причем суд над ребенком, который плохо вымыл посуду после обеда. Приговором было еще несколько дней работы на кухне и большой штраф.

Ощущение сказочности окружающего мира стало резко испаряться. Начали появляться вопросы, на которые мы боялись искать ответы. Для нас было неожиданно получить их от детей. По вечерам за чашкой чая мы слушали истории ребят, попавших в Китеж из детских домов и неблагополучных семей. Они-то и открыли нам глаза на то, что на самом деле происходит вокруг.

Плачевные последствия для десятиклассника Андрея имеют несложившиеся отношения с Дмитрием. Андрей пишет потрясающие стихи — Дмитрий говорит, что они примитивны. Парня переселяют из дома в дом, потому что всем что-то в нем не нравится: он безответственный ленивый бунтарь. Все эти люди почему-то не видят в нем работающего, доброго, отзывчивого и очень талантливого мальчика, пережившего в детстве нищету, побои, смерть отца и запой матери. Почему никого не интересует его внутренний мир, его стремление к благополучию, хотя именно это и заявлено главной целью сообщества?

И такое, к сожалению, происходит не только с Андреем. Чем старше становятся дети, тем больше они понимают. Понимают и некоторые взрослые, но это мало что меняет. В голову пришла мысль, что община в какой-то степени напоминает секту: центром ее является некая «сильная личность», которая управляет

людьми, как марионетками, в целях своего благополучия. Это такое замкнутое пространство со своими законами, своей иерархией, своим укладом жизни — практически, традиционное общество.

Вопрос вот в чем: как могут дети, воспитывающиеся в такой среде, нормально адаптироваться к современному обществу? Они не представляют, что такое жизнь в большом городе, а ведь многие хотят уехать в Калугу или Москву учиться в вузе. Да, нам сообщили, что до сих пор никаких криминальных или трагических случаев с выпускниками Китежа не произошло. Но все ли у них в порядке — этого мы знать не можем.

Представьте себе, что вы большую часть своей сознательной жизни находите все время в одной и той же обстановке и общаетесь с одними и теми же людьми. Именно так и живут дети в Китеже. Очень редко к ним приезжают новые дети или просто новые люди, которые очень быстро уезжают обратно. Ребята буквально набросились на нас, чтобы просто поболтать, расспросить о жизни в Москве, рассказать немного о себе. За неделю они успели настолько к нам привязаться, что не хотели отпускать! А мы так полюбили этих детей, нам стало так беспокоино — что же будет с ними?

Нам стало трудно смотреть в глаза педагогам и наставникам, хотелось высказать им все, что накопилось в душе, хотелось что-то изменить, на что-то повлиять. Но, как известно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. И как сказал один из наших студентов: «Мы, восемь человек, не сможем изменить мир». Если бы мы показали членам общины, что мы на самом деле чувствуем, мы бы раз и навсегда распрощались с Китежем и его обитателями. Вероятно, это трусость, но мы слишком дорожим тем, что имеем — возможностью общения с детьми Китежа. Да и если закрыть глаза на все недостатки общины, — это лучшее, что могло случиться с этими ребятами.

Мы уезжали в полной растерянности. Всего за неделю мы будто прожили целую жизнь, полную своих радостей и огорчений. Мы постепенно вливаемся в нашу повседневную жизнь, но что-то во всех нас изменилось. Дети многому нас научили, многое помогли понять. И хотя мы чувствуем себя бессильными что-либо изменить, мы никогда тебя не забудем, Китеж, и еще обязательно вернемся!

*Отдельное спасибо
Любе Тимохиной и Вике Ионовой*

Это психология мышления

Владимир Феликсович Спиридонов,
доцент кафедры общих закономерностей развития психики,
кандидат психологических наук

Существуют ли некоторые основополагающие тексты, прочитав которые, можно будет хорошо ориентироваться в общей психологии? Сие есть ошибочная постановка проблемы.

Ситуация, когда большинство источников по общей психологии датируется двадцатью, тридцатью, а то и сорока годами ранее сегодняшнего дня, — действительно не очень хорошая. Хотя существует классика, значение которой неизменно. Например, Выготский — всегда при нас. Но все-таки надо отдать должное нашим коллегам, да и нам самим: каждый год в научном мире происходит чего-то новое. Появляются свежие открытия, новые подходы и т.д.

Чтобы сориентироваться в литературе, нужны определенные ключевые слова, понятия, темы, вокруг которых вы хотели бы «ходить». Я готов дать ссылки на какие-то понятия или на конкретных авторов — тут еще проще.

Ситуация, когда большинство источников по общей психологии датируется двадцатью, тридцатью, а то и сорока годами ранее сегодняшнего дня, — действительно не очень хорошая.

Если хотите ориентироваться в какой-либо психологической области, могу посоветовать следующий рецепт. Открываете какой-нибудь достаточно свежий англоязычный учебник по интересующему вас разделу психологии. Соответственно, если вы занимаетесь психологией познания, имеет смысл открыть любую книжку cognitive psychology. Если вы занимаетесь мотивацией, имеет смысл открыть аналогичную книгу по теме «мотивация». Открываете не с целью прочесть, как дело обстоит, хотя это тоже никак не осуждается. А,

прочитав соответствующую главу, используете ссылки как ориентир для поиска новой литературы.

Хорошие западные учебники пишутся не для того, чтобы дать студентам готовые ответы, их задача — сориентировать читателя в сложной области. И там от двенадцати до двадцати пяти ссылок на свежую и, по их мнению, основополагающую литературу по интересующей вас теме.

Есть еще один, хотя и более формальный источник информации. Но для того чтобы его использовать, надо хотя бы чуть-чуть владеть иностранным языком. В университете есть доступ к обширным интернет-ресурсам. Там за последние лет 20—25 накопилось огромное количество статей, именно полнотекстовых статей по многим психологическим темам. Не только по общей психологии. По первым двум словам вы всегда найдете то, что вам надо.

У каждого общего психолога будет свой ответ на вопрос, какие новые интересные работы было бы хорошо прочесть студентам-психологам. Сейчас зайдем на кафедру, там десяток общих психологов сидят точно. И надо хорошо понимать, что мой ответ будет обусловлен тем, что я занимаюсь мышлением. Решением задач. И в связи с этим связан по рукам и ногам данной тематикой. Соответственно, называю, без учета, есть автор на русском или нет, десять фамилий.

Принципиально, что есть ученые, которые еще не переведены.

Конечно, можно назвать **Х. Хекхаузена**, но он уже достаточно старенький.

Герберт Саймон — изумительный автор, один из нобелевских лауреатов. По

экономике, к несчастью, но за психологические работы по принятию экономических решений.

Дитрих Дернер — на русском есть только работа «*Логика неудачи*» — изумительная книжка, просто нет слов.

Дэниэл Канеман — обычно работы, которые у него посвящены изучению принятия решений, он делал в соавторстве с человеком по фамилии **Амос Тверский**. **Канеман, Тверский** и **П.Словик**. На русском языке только что в Харькове вышла книжка, но она почти недоступна, поскольку вышла тиражом 1500 экземпляров.

Между прочим, у Тверского очень интересная история. Он израильский еврей русского происхождения с удивительной судьбой. Бывший майор израильской армии, который повоевал во всех трех арабо-израильских войнах. Настоящий боевой майор. А потом ему почему-то стала интересна психология, и он занялся психологическими исследованиями. Вот поди ж ты...

Да они оба отличные персонажи. Канеман — тоже нобелевский лауреат, и тоже по экономике.

Замечательная дама, хотя и не очень современная (она еще жива) — **Элеонора Рош**. Которая занималась концепцией естественных категорий. На русском языке скоро появятся какие-то переводы, но на английском — это почти классика. Ее книги легко доступны. В конце 70-х вышло десятка полтора ее работ, совершенно чудных...

Из экспериментаторов, авторов конкретных экспериментальных работ, я бы назвал **Кена Котовского** — это чистая экспериментатика по решению задач. Котовский занимается головоломками — такой нормальной сухой, скучной школьной алгеброй — и там выкручивает достаточно интересные результаты... Его эксперименты — это песня. Никогда не знаешь, как он повернет. А потом он поворачивает, и ты думаешь: «Ух ты, господи, бывает же...»

Вальтер Кинч — этот занимается алгебраическими задачами.

Есть такая область очень интересная — экспертиза. Экспертиза не в русском

смысле этого слова, а экспертиза как высокий уровень профессионализма в какой-то сфере. Вот экспертизой в психологической сфере решения задач занимаются такие люди как... дама носит фамилию **Чи** или **Ши**. Ее соавтор — человек по фамилии **Глейзер**. Вместе они занимаются решением разнотипных физических задач. Например, чем решение задач профессионалов-физиков отличается от способа и механизма решения задач студентов, как они по-разному организуют решение. Это что касается вот такой исследовательской литературы разного толка.

Из литературы другого толка — такого, фактически, прикладного — чуть более старые работы, но их необходимо, на мой взгляд, упомянуть. Во-первых, советский человек по фамилии **Альтшуллер Г.С.** Этот персонаж породил концепцию решения исследовательских задач. Он же, под псевдонимом Альтов, писал всякую научную фантастику. Он же под псевдонимом Альтов писал рекомендации для школьных учителей. Короче, чем он только не занимался. Сама концепция обучения кого-то решению задач очень симпатичная и достаточно свеженькая.

Важный человек **Дональд Бродбент** (к сожалению, покойный). У него интересные работы по вниманию и, в некоторых случаях, памяти. Есть чудесные работы по развитию креативности. На русском языке ничего нет.

Если попытаться назвать авторов, чтоб на русском языке и было интересно читать... Я таких не знаю. Есть достаточно квалифицированные авторы, но их элементарно скучно читать. Они, может, даже не очень сложные, но скучные.

Называю любимого автора — **Жанетт Меткалфе**. Дама доказала реальное существование инсайта в процессе решения задач. Это не так очевидно, как кажется. К сожалению, работы того периода давно кончились, и она потом стала заниматься совсем скучными вещами.

Но вот это психология мышления... Судя по выражению ваших лиц, эти фамилии вам абсолютно неизвестны. Вот так мы вас учим.

Зачем психологу читать художественную литературу?

**Марина Вильгельмовна
Новикова-Грундт,**
*старший преподаватель кафедры
проектирующей психологии,
кандидат психологических наук*

Психологу нужно читать художественную литературу, потому что это обогащает наши представления о всевозможных отношениях между людьми, а это одна из основных областей работы психолога. Разница между человеком, который читает, и человеком, который не читает, похожа на разницу между тем, кто живет на глухом хуторе, и тем, кто живет в мегаполисе. Разное количество контактов и разная наполненность опыта.

Если мы живем только своей жизнью, не выходя в чужие, то у нас нет навыков реагирования на те проблемы и переживания, которые нашей жизнью не предполагаются. Нет собственного эмоционального опыта отношения к таким проблемам.

Литература XIX—XX вв. очень часто строится по принципу экзамена. Героя загоняют в некоторую проблемную, кри-

зисную ситуацию, и наблюдают, как он оттуда выбирается. Неважно, будет это «Один день Ивана Денисовича» или «Граф Монте-Кристо». Предлагается: вот тебе бесконечно сложные условия, попробуй сохранись, выберись, и что с тобой при этом произойдет.

Если человек читает наивно, он, как минимум, проделывает над собой такой же эксперимент, отождествляя себя с геро-

ем. Если он читает тоже наивно, но чуть более разумно, то у него еще, обычно в тринадцатилетнем возрасте, возникает мысль: «вот я бы на его месте сделал совсем не так». Еще один уровень — «надо бы мне попробовать, неужели я сделал бы так же?». Я рассчитываю, что у психологов возникает, кроме всех этих уровней, вопрос: «Почему автор выбрал именно эту ситуацию в качестве экзаменующей?»

Ведь совсем не всегда описанные события происходили с самим писателем. Например, «Граф Монте-Кристо» не связан с событиями жизни Дюма. Но он выбрал именно такой разворот событий. Выбраться оттуда, откуда выбраться нельзя, и мстить или не мстить тем, кто тебя загнал в такое.

Если у нас будет достаточно долгий опыт участия в подобных играх, то появляется возможность отождествиться с персонажами, которые в другой ситуации, другой судьбе думают другие мысли, причем как более примитивные, так и более сложные.

Это все расширение поля собственных возможностей. А если еще удастся читать разумно и выйти на новый уровень, где ты играешь и героя, и монстра одновременно, то это уже приближение к некоторой позиции абсолютного наблюдателя, которая для психолога очень полезна.

В принципе, если психолог читает и подсаживается на чтение и еще в состо-

Разница между человеком, который читает, и человеком, который не читает, похожа на разницу между тем, кто живет на глухом хуторе, и тем, кто живет в мегаполисе.

янии проанализировать, почему он выбирает эту, а не другую литературу, — это уже очень много. Если ему интересно читать определенный жанр или определенного автора (пусть это будет хоть Донцова), и он может понять, почему он читает именно этот безумный текст, — такой читатель получает важный для себя опыт и практику оперирования с собой и, соответственно, с другими.

┌ **Ф.М. Достоевский.** *«Идиот»*, *«Преступление и наказание»*, из ранних, может быть, *«Дядюшкин сон»*, *«Скверный анекдот»*.

На мой взгляд, психологу обязательно нужно читать Достоевского. Там есть совершенно неожиданные повороты внутренних жизненных событий, которые происходят с очень многими рефлексирующими людьми. И очень часто герой их либо не замечает, либо не успевает сознаться, что в нем нечто такое происходит. А мы предполагаем, что психологу все-таки не чужда рефлексия.

┌ **А.П. Чехов.** *«Дом с мезонином»*, *«Скучная история»*, *«Дуэль»*.

Чехов, на самом деле, работает с точно поставленным диагнозом и показывает его максимально объективно, стараясь избегать собственных оценочных утверждений. Вот он поворачивает фигуру так и эдак, чтобы читателю можно было и отождествиться, и увидеть изнутри.

┌ **Уильям Фолкнер.** *«Шум и ярость»*.

┌ **Саша Соколов.** *«Школа для дураков»*.

Мне трудно сказать, к отечественной или зарубежной литературе отнести это произведение. Скорее так: по-русски написанная эмигрантская литература.

┌ **Владимир Набоков.** *«Защита Лужина»*, *«Лолита»*, *«Приглашение на казнь»*.

Из всего этого, пожалуй, самая квинтэссенция всех набоковских игр — это *«Дар»*. Это смертельно скучно. *«Дар»* можно прочесть либо если сам пишешь, либо если знаешь, чего ты ищешь в этом произведении. Там есть очень интерес-

ные вещи. Более того, если *«Дар»* прочесть не целиком, то и в этом случае ты все равно что-то найдешь для себя.

┌ **Эрнест Хемингуэй.** *«Фиеста»* и рассказы.

┌ **Джеймс Джойс.** *«Улисс»*.

Чтоб жизнь малиной не казалась.

┌ **Альберт Моравиа.**

У него короткие рассказы, и есть несколько повестей.

┌ **Умберто Эко.** *«Маятник Фуко»*.

У него еще есть такие структуралистско-филологическо-психологические вещи. Очень интересно, но это уже как раз грань филологии и психологии.

┌ **Петроний.** *«Сатирикон»*.

Я считаю, что для психолога попробовать почитать древний или совершенно инокультурный текст крайне полезно. И очень интересно. С одной стороны, испытать некоторое удивление перед отсутствием временного барьера, а с другой стороны, почувствовать привкус другой культуры.

Очень важно столкнуться с другим способом восприятия с культурной точки зрения, почувствовать, что наша культура — всего лишь одна из возможных.

Никита Бабкин

Ману

who'дожество

34

Проводит рукой по стеклу окна, чертя невидимый маленький круг. Самыми кончиками пальцев касается прозрачного стекла. Как будто только в этот момент за весь день его глаза вздрагивают чем-то похожим на уголек умирающего в костре огня. Лишь когда он проводит пальцами по оконному стеклу, его каменное, изъеденное морщинами лицо на долю секунды становится теплее, кожа из холодного гранита превращается в теплый бежевый плед. Секунда. И глаза вновь замирают, застывшие в безвременном фокусе, лицо каменеет и синеет трупной сталью в тот миг, когда Ману отрывает руку от холодного стекла в окне.

Я точно знаю, как, впрочем, и все на нашей улице, что за весь день в его лице можно заметить хоть какие-то признаки жизни, только когда он проводит тонкими пальцами по стеклу; когда он отнимает руку и открывает окно, он уже успевает остыть и лицо его снова безжизненно. Когда я был мальчишкой, впрочем, как и все мальчишки из дома на нашей стороне улицы, был способен целыми днями балансировать на подоконнике, наблюдая за силуэтом Ману в доме напротив. Как мне кажется, он всегда был гранитным старцем, ведь даже мой отец помнит его таким, какой он сейчас.

Ману. Открывает окно. Он всегда делает это в одно и то же время, и кажется, что день никогда не перейдет в вечер, если Ману не скрипнет старыми ставнями своего окна. Как обычно, первой его приветствует старушка Нона из окна напротив. Говорят, она застала те времена, когда стальной Ману говорил. Теперь же она просто посылает ему изысканную улыбку и легкий взмах руки. Старик поднимает взгляд и видит Герца, тот сидит в своем кресле на балконе и делает уважительный кивок. Эмма, которая живет в соседнем от меня окне, выносит свое лицо на золотом подносе и, поставив его на стеклянный столик, машет рукой Ману, а ее красивое лицо искренне сияет белоснежной улыбкой. Старик останавливает холодный взгляд на каждом, кто открыл окно в этот вечерний час, чтобы вдохнуть немного свежести, еще неуловимой, но уже витающей в воздухе прозрачным предзнаменованием наступающей ночи.

Я жду своей очереди и встаю со своего плетеного стула, когда Ману касается взглядом моих глаз, чтобы легким, но строгим кивком головы выразить старцу свое признание. Эмма, что носит свое лицо на золотом подносе, чуть младше меня. Помню, как каждое утро, при первом открытии окон, она озаряла нас своим детским личиком, делая нас счастливыми, улыбалась во весь рот, и каждый высовывался наполовину из своего окна, дабы не пропустить этого красивейшего мгновения из мгновений всего дня. Старуха Нона больше всех прославляла ее красоту, Ману много часов мог не сводить с нее серых глаз. Герц однажды подарил ей золотой поднос, чтобы она могла поставить туда свое лицо, и ее улыбка стала озаряться золотым сиянием, да и практически ей стало легче ухаживать за нежной кожей своего ангельского лица.

Ману. Медленно подносит сигарету ко рту, скрипящими легкими затягивая густой дым, выпускает через нос две паровозных струи. Его лицо не реагирует на привычную боль, прокалывающую булавкой его сердце при каждой затяжке. Старец тяжело опускает тонкое худое тело на плетеный стул, поставленный около окна так, чтобы видеть большинство окон дома на другой стороне узкой улицы. Боль иголкой тклет свой узор на сердце старика, протыкая его снова и снова с извращенным разнообразием, но Ману отвечает ей лишь новой затяжкой. «Что же это все-таки за боль? — часто спрашивает себя Ману в это время. — Я помню, когда умер Гай, во мне поселилась боль. Теперь боль изменилась. Это уже не чувство, не чувство боли из-за смерти, а ощущение боли. Что же больнее: телесная язва в сердце или незаживающая рана в памяти? Что старит, память или возраст? Что убивает, старость или время, что ее приносит? Не лучше ли забывать вчерашний день с приходом рассвета? Легче?

Я смотрю, как старик курит. Мы все знаем, что его больному сердцу нельзя многого, но никто не видел Ману у окна без сигареты, а его вечер уже тридцать лет заканчивается рюмкой теплого коньяка. Тридцать лет назад умер Гай. Никто в наших двух домах, ни один житель окон на нашей улице не забудет того дня, и слава Гая останется жить в наших внуках и правнуках. Это человек, отчаявшийся, осмелевший, дерзнувший выйти из своей комнаты. Он распахнул входную дверь своей крепости, сорвав щеколды и замки без ключей, не закрыл окна и впустил в свою обитель сквозняк; сам вырвался из дома и покинул нашу улицу, растворившись в свежем воздухе. Гай гранитным примером безрассудности застыл у нас в памяти; раньше мы прославляли его побег, равняя побег смерти, теперь принято высмеивать его уход. Кто из нас не завидует ему в глубине души? Тот, у которого ее нет.

Ману. Отводит взгляд от окна. Зеленоватые обои с цветами, стебли которых переплетаются в застывшем танце. Белый потолок. На маленьком деревянном столике стоит черный телефон. Сколько воспоминаний связано у Ману с этой черной коробкой! Ровно тридцать лет назад, ночью, Гай позвонил Ману, чтобы рассказать о мыслях, посетивших его только что. Страх, будто пулей, пробил его грудь, слышал старик в трубку, жуткая боязнь взглянуть в окно и увидеть этот дом напротив, все те же окна, тех же людей. Я боюсь сгнить в своей комнате! Что за чушь, Гай, никто из нас не гниет здесь, посмотри: каждый рождается и умирает на одной постели, смотрит в окно на одни и те же лица. И все счастливы. И ты дыши полной грудью, живи, ни в чем себе не отказывая!

Две боли смешались в Ману. Боль потери Гая и боль в еле бьющемся сердце. Он как будто каждый день сражается в неравной борьбе с тем, кто все равно его заберет. Герц, ум нашего дома, сказал как-то, что Ману, бедный старик, винит себя в смерти сына, как, собственно, любой отец, на глазах которого погиб его ребенок. И что старец наказывает себя, вызывая в своем теле боль и не желая остановить ее. Но Ману слышал это и лишь посмотрел со своего стула на Герца. Прикурил сигарету. Стальной старец молчит уже тридцать лет и поэтому вправе называться самым мудрым жителем наших двух домов. Мы не верим Герцу, мы верим тем, кто молчит. Мы верим, что боль в сердце Ману от коньяка и сигареты помогает ему избавиться от воспоминаний о Гае, боли невыносимой. И ему легче.

Дыши полной грудью? И сейчас слышит Ману голос сына. Ни в чем себе не отказывай? Отец, ты говоришь о том, чего не знаешь! Как мне дышать в закрытой комнате? Я хочу распахнуть окно и не закрывать! Сейчас, когда все уснули, я приоткрыл ставни, ничего не говори, знаю, что запрещено, но мне уже все равно — я вдохнул ночной воздух. И очнулся. Отец, счастье кружит в ночном воздухе. Счастье ночью? Нет, счастье открыть закрытую дверь и окунуться в воздух, до сих пор витавший только по ту сторону стекол. Ты с ума сошел. Я уйду, я убегу. Никто из нас не знает, что скрывается на улице, никто из жителей наших двух домов не выходил из своих комнат, и мне тоже страшно; но невыносимо теперь смотреть в окно, как дни сменяют друг друга.

Герц родился умнейшим ребенком. Помню, когда мы делали рогатки и перестреливались из окон с ребятами, он сидел на детском стульчике, держа в руке книгу. Он лучше всех читал, писал, говорил. Он никогда не позволял себе играть с нами. Зимой, когда мы собирали с подоконников снег и играли в снежки, его окно всегда было закрыто. Он болел. Мы стали ради забавы кидать в его окно снежками и смеялись, слыша его плачь. Долго Герц даже не заговаривал с нами, но в один день мы разбили сосулькой стекло его окна, тогда он пошел на кухню и вырезал сердце, смыл его в унитазе. Когда окно было отремонтировано, Герц стал говорить нам. Слова из книжек. Он умный человек, и мы всегда слушали голос разума, говорящий губами Герца, не замутненного никакими душевными переживаниями. Так четко и объективно никто не смог бы увидеть и объяснить что-либо. Все мы помним, как Герц негодо-

вал о глупой выходке Гая, когда узнал, что тот не закрыл на ночь окно и впустил в комнату сумрачную прохладу. Побег Гая из дома он объяснил его sentimentalностью и ветреностью. Что ж, Герц прав.

Ману. Сморит на заржавевшие замки входной двери, на пыльные защелки и щеколды. Он вспоминает тот порыв броситься за Гаем, сорвать, как он, все цепочки и затворы и вырваться в неизвестность вслед за сыном. Старик приподнимается и слабыми руками закрывает окно. Смотрит через стекло на выложенную камнем улицу, по которой тридцать лет назад бежал Гай. Никто, кроме него, не ступал на эти камни. Боль не утихает, и следует выпить коньяка. Сейчас самое оживленное время на улице. Все высунулись из своих окон и говорят. Смеются. Устал.

Старик, как всегда, закрыл свое окно раньше всех и наливает рюмку коньяка. Он устает от вечернего гула голосов. Уже смеркается, и все выходят к окнам: девушки в аккуратных нарядах, молодые люди в красивых рубашках, их волосы зачесаны гелем. Все говорят, шутят, смеются. Над пустым асфальтом повис радостный гул уходящего дня. Старуха Нона возглавляет вечер. Мы веселимся и перекидываемся шутками, не забываем и Гая. Поднимается громкий хохот, когда Герц вспоминает его острым словом, вычитанным откуда-то из комедий античности. Близится ночь, и из разных уголков наших двух домов раздаются скрипы закрывающихся окон. По одному желтые пятна света исчезают и голоса пропадают за прозрачными стеклами. Пора спать, завтра наступит новое утро, новый день, новые слова, новые шутки. Все как всегда.

Ману. Смотрит, как одно за другим гаснут желтые квадраты окон. Когда два дома погружаются в тихую умиротворенность сна, он приоткрывает свое окно и жадно вдыхает ночную прохладу свежего воздуха. Старик смотрит на дорогу, видит, как дверь подъезда распаивается, грохотом разбивая ночную тьму. Тяжело вдыхает воздух. Дверь, никогда не открывавшаяся до этого, прогнила и обветшала, поэтому по бокам древесина разлетается от удара в щепки. Гай падает на колени и делает глубокий вдох, окруженный еще не упавшими на асфальт щепками гнилой двери. Все спят вокруг. Ману резко закрывает окно, но через стекло виден все еще стоящий на коленях Гай. Стоящий там тридцать лет назад.

Гай. Опирается руками об асфальт и, закинув голову вверх, судорожно вдыхает ночной воздух. Щепки, словно снег, падают ему на лицо.

Старик стоит у окна и не сводит взгляд с сына. Гай поднимается и, оглянувшись по сторонам, вдруг срывается с места и убегает со скоростью пули. Уходящая в ночь улица недолго удерживает его серый силуэт; ночная тишина долго стучит шагами Гая. Ману смотрит в ту тьму, что проглотила фигуру Гая, его взгляд застыл, ни на чем не сфокусированный, не сосредоточенный, взгляд в темную дыру, в небытие. Его тонкие морщинистые пальцы, чуть касаясь, водят по стеклу, рисуя маленький невидимый круг. Круг за кругом.

Когда я допил утреннюю чашку свежего кофе, подошло время первого открытия окон. Меня смутило, что привычный скрип ставней стального старца не начал сегодняшнее утро. Растревожило меня несостоявшееся открытие окон остальных жителей. Тогда мне пришлось оставить на столе недопитую кружку и подняться, чтобы пройти к своему окну. Едва выглянувшее солнце заигрывало со стеклами окон последних этажей, которые отвечали оранжевым лучам веселыми блестками. Все окна были закрыты. Около каждого, прижавшись носами к холодным стеклам, я разглядел головы жителей наших двух домов, повернутые в одну сторону. Я распахнул окно и вдохнул уходящую свежесть утреннего тумана. Тогда я заметил, куда так пристально смотрят жители. Ману. Стоит около своего окна, словно мраморная скульптура. Его холодный взгляд направлен в сторону уходящей в желтую даль улицы, туда, где поднимается теплое солнце. Он водит тонкими пальцами по запотевшему стеклу окна, вычерчивая на нем маленькие круги. Как будто машет кому-то рукой. Все мы видели его таким же тридцать лет назад.

Так вот она, весна!

Наступила весна.

Это он знал точно. Так говорили все вокруг — червячки, изредка проползавшие мимо, крошечные жучки, пробиравшиеся на поверхность, мышки-полевки, галдевшие со всех сторон. Весь подземный мир был взбудоражен и как-то по-особому счастлив. А маленький крот (наш главный герой) сидел себе в своей норке и задумчиво догрызал припасенные на зиму запасы.

Какая она — эта весна? Он еще не знал. Хотя всю зиму, особенно в морозные ночи, когда все вокруг оковано льдом, мечтал о ней. Мечтал самозабвенно, рассказывая им же самим придуманные истории всем, кто только соглашался его слушать. Веснаааа. Такое тягучее слово... за ним непременно должно скрываться что-то... нет... ЧТО-ТО!!

И вот, мелкая и крупная живность уже полезла наверх, а он все медлил. А вдруг они ошибаются? Вдруг там еще и не весна вовсе, а просто снег подтаял? Вдруг ОНА окажется не такой!!... ведь фантазии фантазиями, а он уже почти влюбился в эту загадочную и долгожданную даму.

Да, надо заметить, что до этого маленький крот ни разу не был на поверхности. Родился он в начале зимы (редкий случай, как поговаривали в округе) и все студеные дни провел в ма-а-ленькой норке, изредка лениво прорывая ходы на ближние расстояния... не из любопытства, он не был любопытным, а просто из желания хоть как-то себя развлечь. Соответственно, как вы понимаете, он был мало осведомлен об окружающем мире, так что безудержные и абсолютно голословные фантазии были его привилегией, по большей части недоступной основной массе жителей земли. И вот получается, что он дождался. Дождаться — это, конечно, хорошо, но вот как быть дальше? Бежать вместе со всеми? Нет уж, еще засмеют, такого маленького и наивного. Лучше тихонечко посидеть до благоприятного времени, когда никого из соседей не будет дома и... САМОМУ. Сидеть, лежать, нарезать круги по ма-а-ленькой норке пришлось три дня. За это время все кому не лень уже не по одному разу приставали к нашему кроту с расспросами «ты чего до сих пор дома?», «когда собираешься наверх?» и тому подобное. Чтобы никто ничего не заподозрил, приходилось врать, что подвернул лапку и немножко еще побудет в тепле и спокойствии.

Все когда-нибудь подходит к концу. Завершилась и беготня. В один потрясающий момент все будто испарились, и перед маленьким кротом нос к носу встала проблема выхода наружу. Поднапрягшись немножко (все таки сидячий образ жизни не сильно располагает к длительным физическим нагрузкам), он прорыл узенький туннель на поверхность, но не вылез весь, а высунул нос и ВДОХНУЛ.

«Боже ж ты мой!! Как же я раньше жил без этого запаха?»

Эту фразу наш герой хотел крикнуть во все горло, но сдержался (не услышал бы кто). Поэтому быстро, быстро работая лапками он буквально выпрыгнул на поверхность... и...

НИЧЕГО НЕ УВИДЕЛ!!!

Все вокруг было бело-желтым, глаза тут же начали болеть и он их закрыл от греха подальше. Но пахло по-прежнему потрясающе. И маленький крот решил пройтись немного. Аккуратненько ступая он сделал несколько неуверенных шажков. Так странно,

земля совсем не такая как там — внизу, что-то колется и щекочется! «Ай! Кто это?»
И опять про себя (на всякий случай).

Вдруг...

Вода,

Камни,

Треск и мир вокруг уже кувыркается и летит в тартарары!!!

Споткнулся, споткнулся наш герой и всей своей маленькой тушкой прямиком уго-
дил в одну из многочисленных луж, заботливо разлитых весенним дождем.

«Страшно!! Ой как страшно!! Ничего не видно, мокро и скользко! Наверное меня
кто-то толкнул! И этот кто-то должен быть очень, очень нехорошим!»

Но водичка была теплой и приятной и пошатнувшиеся было нервы маленького
крота, поплотнее уселись на своих местах. Но впредь он решил быть осторожнее и,
по-прежнему ничего не видя, двинулся дальше (хотя и не страдая излишним любо-
пытством, теперь уже насквозь мокрый, крот обладал завидным упрямством). Ведь
он решил УВИДЕТЬ весну, а пока что только почувствовал ее. Побродив немного и
удовив еще в пару-тройку луж, он, прислонившись спиной к чему-то большому и шер-
шавому, решился... и ОТКРЫЛ ЛЕВЫЙ ГЛАЗ. (Думаю, вы помните, что все это
время глазки маленького крота были плотно закрыты.)

«Ничего себе! Все такое яркое и огромное!! Сколько цвета! ЦВЕТЫ!!!! Я вижу
цветы!! (если болтушка соседка не наврала, что непонятные конструкции на длинных
ножках называются цветами.) Оказывается, все вокруг живое! Бог ты мой, как же
красиво!» И тут наш герой не смог больше сдерживать свои эмоции и побежал все
осматривать, обнюхивать и ощупывать.....

Близился вечер...

Маленький крот возвращался в свою мааленькую норку и думал...

Пришел домой, уселся поудобнее и все думал, думал, думал...

Заглянула соседка (та самая, которая рассказывала про цветы).

«Ну что, видел весну?».

«Нет, весну еще нет, я видел так мало!»

«Ну-ну, философ» — пробурчала соседка и отправилась по своим мышиным де-
лам.

А наш герой вздохнул, лег, повернулся лицом к стенке и заснул.

И никто, никто... никогда, никогда не узнает, как же он испугался...

Бродяга

Ну что, вот чего ты теперь сидишь и скулишь? Что, не предупреждал я тебя, не говорил, что именно так все и кончится? Нет, ты ведь очень умный, сам все знаешь, не слушаешь никого!!! Вот никак я не пойму? да почему же все вы такие упертые?! Что ты бормочешь?

Всю жизнь ты пытался что-то сказать, но из-за неуверенности в себе так и не сказал ничего, а теперь все, уже поздно. Я не имею в виду, что ты отмалчивался, когда надо было принимать решение, хотя это тоже немаловажно. Сейчас я говорю о том, что за всю жизнь ты ничего не создал своими руками. Все тебе всегда само шло в руки. Да, наверное, тебе просто везло, вот ты и пустил все на самотек. Почему ты думаешь, что если я наградил тебя талантом, то ты имеешь какое-то право не делиться им с людьми? Ты ведь был по-настоящему талантлив. Вспомни, сколько времени ты проводил за роялем? Твои родители делали все, чтобы ты ни на что не отвлекался и был занят только музыкой. Перед тобой уже практически лежала карьера музыканта, а ты все запорол из-за того, что, видите ли, хотел добиваться чего-то самостоятельно. И чего в итоге ты добился?

Не надо на меня так смотреть, будто я в этом виноват, каждый сам свою жизнь лепит. Пойми, сейчас я уже не в силах тебе чем-нибудь помочь, я пришел забрать тебя и все. Ты спрашиваешь «Куда?». Да никуда, сейчас это определение как нельзя кстати. Да, там пустота. А ты думал что? Да нет ни рая, ни ада, это все бабушкины сказки. Просто человек перестает дышать, разлагается постепенно, выделяет теплоту в атмосферу. Вот в этом я и вижу смысл жизни, да плевать мне на то, что ты не согласен, твое мнение вообще никого не волнует.

Ну все, давай приходи в себя, выпить хочешь? Странно: всегда любил, а сейчас отказываешься, почему? Дааа, в том, что ты меня сейчас видишь, не последнюю роль сыграла именно эта твоя пагубная страсть. Давай задумаемся над семантикой слова пагубный. От слова губить, наверное. Вот ты себя и погубил. Ты хоть жалеешь о том, что прожил такую бестолковую жизнь, или тебя все устраивает? Я всегда любил смотреть на тебя, когда тебе задавали сложные вопросы. В этот момент твои глаза становились особенно красивыми. Не жалеешь?! Слушай, такого я от тебя не ожидал. Сказав это, ты дал мне понять, что все мои старания не пошли прахом, и где-то там, в глубине души ты все-таки веришь в меня, и может быть даже благодарен мне. Это так приятно, когда тебя ценят.

Знаешь, я ведь всю твою жизнь пытался уберечь тебя от всяких опасностей, вытаскивал из разных передраг. Тебе может показаться странным, что я задаю тебе вопросы; люди думают, что я могу и мысли читать. Но, увы, этого я не могу, поэтому так стараюсь понять, что может значить каждое произнесенное человеком слово. Все, что я могу — это моделировать ситуации, подбирать к ним действующих лиц, а вот что из этого всего выйдет, я абсолютно не знаю. Не могу я запретить человеку выбирать как поступать. Наверное, поэтому потом люди на меня и обижаются, сами натворили дел, все пошло не так, а виноват я: надо, оказывается, было брать ситуацию в свои руки и решать все самому.

Нечего, паскуда, на меня просящим взглядом смотреть. Думаешь, отвлекся от темы, так все, можешь вздохнуть спокойно, Ничего подобного. Мне тебя не жалко лишь потому, что ты сам себя никогда не жалел. Вот спорим, ты думал, что я скажу «не жалел других». Нет, такого я не скажу. К другим относиться как хочешь, но если ты себя не любишь, почему тогда я должен тебя любить и оберегать? Да, конечно, ты можешь спросить: «А зачем ты меня всю жизнь оберегал?», вполне резонный вопрос. Просто я додумался до такого подхода к жизни

только сегодня утром. Вот поэтому и пришел к тебе, засранец. Ты уже начинаешь думать, не сумасшедший ли я? Нет, не сумасшедший, я являюсь именно тем, кем представился в самом начале.

Знаешь, я вот подумал, что тебя ведь пожалеть даже некому. Ты же всю свою жизнь был бродягой, у тебя никого и ничего нет. Нет, ну причем здесь твоя машина и квартира? Я, придурок ты этакий, говорю сейчас о духовных, блин, ценностях. Ну вот, заставил меня опять произнести это дурацкое слово, аж коробит от него! Столько людей тебя всегда окружало, многие из них хотели совершенно искренне добра тебе. А ты всегда говорил, что тебе это не интересно, и отправлялся на поиски чего-то, а вот чего, ты и сам не понимал. Ты даже не мог оставаться в кругу семьи, когда все этого так хотели. Ты уходил в ночь к незнакомым людям. Ты даже не хотел быть с ними, но почему-то шел, напивался там и всегда наутро жалел о том, что провел ночь не с теми и не там. Пока ты был молод, это все, конечно, было забавно. Но вот когда ты женился, у тебя появились дети, семья, ты стал плевать на людей, которые зависели от тебя, твой разврат перестал быть смешным. И вот ты опять остался один. Неправда, тебе это было безразлично, тебе было очень больно. Я помню, как ты рыдал, просил о помощи, но к тебе никто не пришел. Нет, друг, в этом тоже виноват ты, именно ты дал людям понять, что ненавидишь их.

Ты всю жизнь с улыбкой произносил, что все в порядке, даже когда тебе было плохо. Это, мой друг, не стойкость была, это был самообман. Что-то я отошел от темы, мне кажется, рассказывать тебе твою же жизнь — затея неудачная. Хотя если ты чего-то не помнишь, я могу воскресить это в твоей памяти. Я знал, что ты попросишь именно об этом, закрой глаза и просто представь ее, все вспомнится само собой, для этого я тебе вовсе не нужен. Да, она была единственной, кто вообще тебя когда-либо любил, да, ты прав.

Зачем тебе еще один шанс, что за бред! Я тебе шансов давал миллион, и что? Ты ведь и его просрешь, что я тебя, не знаю? Даже если и дам еще одну попытку, сейчас 2:15, тебе жить-то осталось от силы минут двадцать. Ладно, давай уже бутылку допьем и пора, а то мне дел еще много сегодня сделать надо.

Что значит «Пошел на хер»? Ты, по-моему, не очень понимаешь, что с тобой сейчас происходит. Почему ты не веришь в мое существование? Почему-то люди вспоминают обо мне лишь когда им плохо, а вот когда все нормально, то я им вроде как и не нужен. Почему? Я вот поймал себя на мысли, что мне просто обидно, такое со мной обращение может взять да и уничтожить вас всех...

Если я тебя сейчас бить буду, то судмедэксперт подумает, что тебя убили, а ведь это неправда. Тебя никто не убивал, просто пришло время для твоей смерти, вот и все. Да, ты прав, людей убивают либо сами люди, либо за ними прихожу я и отвожу их туда, куда скоро и ты отправишься. Поэтому самоубийство — это выдумка тех, кто со мной не встречался. Подумай сам, разве кто-нибудь сам добровольно расстанется с жизнью? Ты же не хочешь умирать. Вот уже два часа кричишь, плачешь, умоляешь.

Пойми ты, ничего я не могу для тебя сделать. Вставай, идем воздухом подышим. Какой, говоришь, у тебя этаж, двенадцатый? Давно ты выходил сюда последний раз, смотри как здесь красиво! Я, пожалуй, буду часто сюда заходить.

У тебя странный взгляд. Уж не думаешь ли ты меня вместе с собой туда потащить, нет, до земли ты доберешься один, а я тебя уже буду там ждать. Не бойся, сейчас тебе уже не надо решать ничего, просто шагни навстречу еще одной ночи, бродяга.

Свет в конце тоннеля

Он бежал по темному тоннелю, то и дело спотыкаясь. Куда он бежит, зачем, неужто ему так не терпится встретиться с нею и расстаться с другой? Да, пожалуй. Теперь для него отсюда другого «ВЫХОДА НЕТ». По его волосам прокатился легкий ветерок, вдали был виден свет. Да, он помнил, как увидел ее первый раз, так близко, что еще чуть-чуть, и она унесла бы его с собой, так далеко, что он никогда бы больше не вернулся оттуда. Сейчас он жалел, что она тогда не сделала это. Теперь ему пришлось самому искать ее. Его сердце бешено колотилось в груди. Он стоял и смотрел, как нежный свет обнимает его со всех сторон, ему становилось все теплее. Ветер стих. Стук усиливался. Он так долго ждал этой встречи с ней, что теперь боялся необратимости, которую она несет в себе. И вот она так близко к нему. Она прорывается сквозь темь, разрывая ее ярким светом, создавая при этом оглушительный гул. Ждать осталась недолго, и они сольются в яростном поцелуе, раздавив при этом все желания окружающих и давящих на них людей. Все, наконец, уйдет в небытие, растворится, просочится в землю, на которой даже ничего не взойдет, и он уже никогда не вернется. И тогда он обретет тишину, которая наполнит его, и одиночество освободит его от земных страданий, а она, в свою очередь, опять будет помогать другим таким же, как он, найти свой укромный уголок, (но) не в этом мире. В последний момент он сказал, той другой, которую любил: «Мы больше никогда не увидимся, прощай!» Свет прокатился по нему с бешеной силой, он даже не успел разглядеть ее, как она своей косой отрубила ему голову. Раздался визг тормозов, состав встал.

Александров Алов

Клубок

...Невесть куда. Нужно только остановиться хоть ненадолго и немножко задуматься. Именно это я и попытался сделать. Честно говоря, получалось не очень хорошо, и тому было несколько причин. Во-первых, чем больше проходило времени, тем сильнее начинало казаться, что недавняя встреча с самим собой все же почудилась мне, и костер перестал быть таким уж железным опровержением этого предположения. Во-вторых, даже если произошедшее существовало не только в моем воображении, что с того? Я ведь не получил никакого руководства к действию, только какие-то маловразумительные фразы. В-третьих, костер создавал мне слишком много непривычных удобств. Чего искать? Мне уже тепло и спокойно. Разве не этого я хотел? Может, и нет, зато это куда более понятно, чем наивное желание быть счастливым, и к тому же куда более осязаемо. Лучше синица в руке. А в-четвертых, меня терзало навязчивое желание встать и пойти дальше. Правда, с этим желанием я всячески боролся, чему очень способствовали воспоминания о холоде и непроглядной белой стене. Тем более куда идти, если цели больше нет?

Все эти мысли крутились в голове, сменяя одна другую, и быстро портили мне настроение. Интуитивно я понимал, что костер — это не все, что мне нужно от жизни, а логически приходил к тому, что не знаю, чего еще хочу. Наверное, именно поэтому

желание идти было таким навязчивым. Пока идешь, не надо ни о чем думать. И внутренние противоречия решать тоже не надо. Нет их.

В сердцах я кинул пригоршню снега в огонь. Тот зашипел в ответ. «Не нравится? — подумал я и зло улыбнулся. — Получи еще! И еще! И еще!» Некоторое время я закидывал костер снегом, даже не задумываясь о том, что если он погаснет, я опять буду мерзнуть. Я остановился, когда почувствовал, что правая кисть начала неметь от холода. «Ладно. Мир», — подумал я и поднес руки к огню, чтобы согреться. И в этот момент я заметил, что с рукавов свисает несколько нитей. Я попытался оторвать их и понял, что свисают они с меня, а не с рукавов. Кроме того, подобные нити обнаружились не только на руках, но и на ногах, и на теле, и даже на голове. И что самое интересное, нити были неопределенной длины и стелились по снегу, уходя за пределы видимости. Некоторое время я их тупо разглядывал, не сумев даже удивиться ради приличия. Попробовал поджечь. Не горели. Запаха у них не было. Вкуса тоже. Зато пока я экспериментировал, некоторые исчезли чудесным и неожиданным способом. Просто исчезли. И тогда мне в голову пришла гениальная мысль: если я буду медлить, то никогда не узнаю, куда эти нити ведут и что на другом их конце.

Я вскочил с места и, судорожно хватаясь за испаряющиеся нити, помчался к неизвестному, не обращая внимания на то, что белоснежная стена рассеивалась по мере моего движения, и мимо стали проходить первые невидящие ничего вокруг люди. Неизвестным оказался клубок невероятных размеров, сплетенный из несчетного множества самых разнообразных нитей. Клубок этот не имел правильной формы шара, а представлял собой случайное нагромождение переплетений и узлов и возвышался холмом над заснеженной поверхностью земли. Цвет его состоял преимущественно из серо-черных тонов, но местами показывались самые разнообразные цвета и оттенки, охватывающие весь спектр.

— Здравствуй, — сказал мне клубок голосом, лишенным эмоций. Почему-то я даже не сомневался в способности этой конструкции разговаривать.

— И тебе привет, — ответил я, не зная, что к этому можно добавить.

— Кто ты? — поинтересовался он все так же без эмоций.

«Хороший вопрос», — неожиданно подумал я.

— А кто интересуется?

— Все.

— Что все?

— Я это все.

— Никогда не думал, что ВСЕ выглядит так.

— А о чем ты думал?

«О счастье», — чуть было не ляпнул я, но вовремя спохватился. Разговор начинал приобретать неприятный окрас.

— А ВСЕ может стать чем угодно?

— Я уже есть.

«Могу поспорить, что счастьем ты стать не можешь».

— Я уже есть, — повторил клубок, и мне показалось, что он отвечает на мою мысль.

— Не похоже.

— Ты просто не видишь.

— Так покажи, — с вызовом сказал я.

Клубок ничего не ответил. Он просто начал исчезать, как исчезли нити, которые связывали меня с ним. Точнее, мне сначала показалось, что он исчезает, а потом

начало казаться, что я погружаюсь в это чудовищное скопление узлов. Что происходило на самом деле, я не знал. Я видел, как передо мной расстилаются огромные пространства гор, холмов, степей, лесов, озер... И везде я видел людей, связанных с клубком и друг с другом сотнями разноцветных нитей, невидимых для них. Все эти люди были разные и принадлежали к совершенно непохожим сообществам: где-то, закованные в рясы, они вели тихую и размеренную жизнь; где-то, наголо бритые и озлобленные, они вступали в бессмысленный бой; где-то, почти голые и беззащитные, боролись за выживание; где-то, окруженные каменными джунглями, искали свое место под солнцем... Так много было их, что дух захватывало от этого разнообразия! Но при всей их разительной непохожести друг на друга они имели лишь одно общее: все без исключения они поклонялись клубку. Точнее, они думали, что служат множеству больших и маленьких клубочков, не понимая, что все эти клубочки так или иначе связаны с Клубком. И этот Клубок действительно был для них ВСЕМ. Люди так или иначе восхваляли Его, приносили Ему жертвы и больше всего на свете, даже больше своей смерти боялись остаться без Него. И все лишь потому, что Он давал им две взаимосвязанных цели: вечно служить Ему и бороться с Его несуществующими врагами. И наивные слуги Его были счастливы, когда били недругов Его, считая, что так они ублажают Его и служат Ему.

Я долго смотрел на все это, и мне было жаль тех несчастных, которые не знали большей радости, нежели раствориться в жутком переплетении нитей. Помня о довольных и беззаботных людях, которые были в моем видении, я твердо знал, что нет в этом ни цели, ни смысла.

— Почему все они поклоняются тебе?

— Потому что я — это все.

— Это я уже слышал. Уточни. Что именно заставляет их поклоняться тебе?

— Я их создатель, их цель и смысл, их жизнь, их бог, их наивысшее счастье. Все они — часть меня, а я для них все.

— Чушь какая-то... — в задумчивости проговорил я.

— Что??? — впервые в Его голосе появилась эмоция — сильное удивление с каплей гнева, и все расстеленные передо мной просторы свернулись обратно. Я снова видел только дикое скопление узлов.

— Никакая ты не цель и никакой не смысл, — продолжил я, не обращая внимания на перемены, — к наивысшему счастью не имеешь никакого отношения, а жизнь свободно может появиться и без тебя.

— Еретик, — от удивления и негодования Он мог только шептать.

— Кроме того, никакой ты не создатель, а всего лишь создание. ИХ создание.

— Отступник! — уже более внятно произнес Он.

— И не они являются твоей частью, а ты — всего лишь их свойство, которое рождается в их объединении.

— Философ! — шипел Клубок. Он весь как-то неожиданно скукожился, прильнул к земле, даже вроде ощерился, словно разозленная кошка, готовящаяся к прыжку.

— Может, ты и бог, но это лишь потому, что у меня нет богов, и я не знаю, что это такое.

— Коммунист!!! — выкрикнул Он, и только тогда я понял, что смог договорить лишь потому, что мои слова были для Него полной неожиданностью. А теперь мне придется за них отвечать.

С удивлением для себя я осознал, что нити, которыми я был связан с Клубком, никуда не исчезли. Они стали невидимыми для меня, как для множества других людей, и теперь сдавливали мое тело, лишая воли и возможности двигаться. Я испугался, потому что не знал, что будет дальше, но догадывался, что жизнь моя зависит от каприза чудовища, в чьей власти я оказался. Я хотел кричать. Крик — это атавизм,

пришедший из детства, ведь разумом я понимал, что некому мне помочь, но бездумное мое естество считало иначе. Впрочем, всласть покричать мне все равно никто не дал. Слишком сильно сдавило грудь.

Правда, просмаковать все прелести отчаяния и безысходности мне тоже было не суждено. Довольно быстро мое внимание было привлечено какой-то неестественной активностью внутри Клубка: два клубочка, связанных с Ним (один тесно, другой не очень), вдруг как-то сжались, натянулись составляющие их нити, все это вместе начало шуршать и трещать. Напряжение стало передаваться на соседние клубочки, и вскоре ощутимая часть Клубка стала вести себя таким ненормальным образом. Дальше — больше. Некоторые нити начали лопаться, издавая при этом нечто среднее между стоном и звоном. Так продолжалось до тех пор, пока один из двух клубочков-«зачинщиков» не распался. Сразу после этого Клубок издал нечто вроде грудного рычания, тихо проговорил: «уходи», — и исчез, а нити перестали меня держать.

Ошеломленный и окруженный непроницаемой белой стеной, я остался один в снежной пустыне. И все было как прежде, только появился зуд в тех местах, где нити росли из моего тела. Я не мог дать вразумительное объяснение происшедшему, но понимал, что это надо сделать. Иначе я не успокоюсь. Оправившись от шока, я решил использовать проверенный способ решения задач, не имеющих решения: побродил по округе, собрал хворост и разжег костер. Вскоре я уже сидел перед огнем и чесался, а в голове моей было пусто. Все-таки сложно осмыслить то, что находится за гранью понимания. Но я решил быть последовательным и начал в деталях вспоминать все произошедшее. Результат превзошел все мои ожидания — нити снова стали видимыми. Видно было даже то, что часть из них по непонятным причинам отвалилась, оставив после себя только антисексуальные обрубки, некоторые из которых заметно выдавались вперед и медленно двигались, будто вглядываясь в непроницаемую завесу снега. Те нити, которые остались целыми, уже не свисали с меня, как это было, когда я их впервые заметил, а оплетали все мое тело и еле заметно давили. Это несколько угнетало и портило настроение.

Какое-то время я сидел и старательно думал. Однако поскольку мне стало скучно, а пользы от этого занятия я так и не получил, то вскоре меня посетила гениальная идея хоть как-то развлечь себя, чтобы прояснить мысли и потом все же до чего-нибудь додуматься. Сначала я развлекал себя тем, что чесался, потом решил поплевать в костер, понаблюдав за движением обрубков и для разнообразия побренчал на нитях «В траве сидел кузнечик». Когда запас развлечений иссяк, я снова начал думать и вскоре вновь почувствовал себя жертвой озарения. Я решил идти в том направлении, куда навязчиво тыкались нелепые обрубки, которых, кстати, стало чуть больше.

И путь мой был долог и труден. Я замерзал в отчаянии, я голодал в безысходности, и все это время во мне болью отдавалось одиночество, какого мне никогда прежде не доводилось чувствовать. И превращалась уже в лед моя надежда...

Ну, если быть честным, то ничего такого я не испытывал, а путь был совсем коротким и вовсе нетрудным. Но продолжая себя развлекать, я усиленно фантазировал, стремясь насытить воображаемую реальность драматизмом героического преодоления всех препятствий, усердно разбросанных фатумом на тернистой тропе моей жизни. По-моему, получалось неплохо. Я даже был как-то раздосадован, что достиг цели в тот самый момент, когда только вошел во вкус. Да и цель оказалась какая-то не ахти... После встречи с самим собой и говорящим клубком я был несколько разочарован столкновением с простым смертным. Тем более что в контексте моих фантазий он выглядел не только неуместно, но и нелепо. Как сортир в лифте. Или лифт в сортире.

Но, к слову сказать, смертный был обо мне совсем не того мнения, какого был о нем я. Увидев меня, он сразу весь напрягся, жутковато выпучил глаза, открыл рот в

беззвучном крике... И так и замер, выставив зачем-то указательный палец в моем направлении. Будто йети увидел. «Впрочем, хорошо, что вообще увидел», — подумал я, вспомнив о людях из своего видения, которые ничего не замечали вокруг себя.

— Здравствуйте, — улыбнувшись, сказал я. Вообще-то я с незнакомыми мужчинами не здороваюсь... да и не видел я их уже черт знает сколько. Но в любом случае для этого уникама решил сделать исключение.

— А... А... — начал он.

— Ахтунг? — попытался угадать я. Человек помотал головой слева направо и наоборот.

— А... А...

— А где здесь туалет? — не бросал попыток я. Результат был тот же.

— А... А ты кто? — наконец выдал он сакраментальную фразу. «Вот те раз! — подумал я. — Не в глаз, а в бровь!»

— Нет бы сначала поздороваться, — несколько обиженно сказал я, переводя тему.

— А я с незнакомыми мужчинами не здороваюсь, — гордо парировал он, видимо, уже оправившись от первого шока. «Вот и делай после этого исключения, — мелькнула мысль и сразу за ней следующая. — Похоже, мы найдем общий язык». С некоторым удивлением я почувствовал, как обрубок, по которому я выбирал направление пути, чуть дернулся в сторону этого человека.

— Так что ты здесь делаешь? — спросил я, не найдя более подходящей фразы. Все же давно я ни с кем не общался, уже и забыл, как это делается.

— Скитаюсь, — лаконично ответил он с загадочной улыбкой. Этот ответ я как-то не совсем понял, поэтому решил снова сменить тему.

— А почему так отреагировал на мое появление?

— О-о-о. Это длинная история! — улыбка мигом испарилась с его лица, и теперь он всем своим видом выражал огромную значимость ответа, которого я не получил.

— Да я пока никуда не тороплюсь.

— Хорошо-о, — протянул он вроде бы в задумчивости. — Зачем твои нити?

Должен признать, что этот вопрос стал для меня полной неожиданностью. Я ведь наивно полагал, что только я и могу их видеть. Ан нет. И еще больше меня удивило то, что я не видел его нитей. Несколько секунд я был в ступоре и только потом смог ответить:

— Они связывают меня с клубком.

— А-а-а, видел могучий узел, да? — спросил он с видом заговорщика. — А мои нити видел?

— Н-нет, — медленно произнес я, еще не понимая, куда он клонит.

— Правильно! — воскликнул он и как-то странно засмеялся. — Их нет, их нет. И что это значит?

— Нет нитей — нет связей с Клубком. Значит, ты абсолютно свободен, ты сам себе хозяин, — и тут я замолчал, пораженный своей догадкой. — Ты счастлив!

— Нет! — неожиданно резко выкрикнул он с видом капризного ребенка. — Глупый! Нет нитей — нет счастья! Я несчастлив. Совсем-совсем, — последние слова он произнес уже тихо и с дрожью в голосе. Я понял, что он вот-вот заплачет.

«Я, конечно, давно уже ни с кем не разговаривал, — думал я. — Всякие клубки и призраки с моим лицом не считаются. Но, насколько я помню, люди себя обычно так не ведут».

Я уже собрался как-нибудь его успокоить, но помощь моя не потребовалась. Его настроение снова изменилось.

— Хочешь историю? — спросил он с такой интонацией, будто в знании этой «истории» заключалось его неоспоримое превосходство надо мной. А сейчас он собирается сделать мне одолжение и просветить убогого.

— Хочу, — ответил я. И ведь действительно хотел. Я понимал, что этот человек, несмотря на все его странности, знает больше меня и может научить чему-нибудь полезному.

В ходе дальнейшего монолога я понял несколько важных вещей. Во-первых, фраза «а я с незнакомыми мужчинами не здороваюсь» была самой длинной в арсенале моего собеседника, поэтому его «история» оказалась крайне запутанной. Каждое предложение, из которых она состояла, имело внятное начало, но быстро перерастало в непонятное нагромождение почти не связанных друг с другом фраз. И всю эту тарабарщину я должен был быстро «переводить» на нормальный язык. Занятие это не из простых, и не всегда мне удавалось осуществить «перевод», поэтому значительная часть «истории» так и осталась мною непонятой. Во-вторых, этот чудак когда-то, как и все, был соединен множеством нитей с клубком, но решил, что от этого все несчастья, и принялся старательно исправлять ситуацию. В результате какую-то часть нитей он оборвал (как он это сделал, я так и не понял; ясно было только то, что к каждой нужен свой подход), какая-то отвалилась сама, но стало только хуже. Если я не так давно проводил время в гордом одиночестве лишь по своей глупости, то он оказался обречен на вечное отшельничество и обратной дороги в общество не имел. По крайней мере, он так думал. В-третьих, испугался он не меня, а того, что я иду по его пути и ждет меня тот же печальный финал. Наконец, в-четвертых, он определенно был сумасшедшим.

Окончив свою «историю», он будто потерял ко мне всякий интерес и начал увлеченно ковыряться в носу. На некоторое время я застыл в раздумье, пытаюсь свести все сведения в общую картину. Кажется, у меня это получилось, и я решил сразу же проверить свои догадки. Я взял в руку остаток нити, с помощью которого нашел человека, и попробовал вытянуть его из себя. Непостижимым образом нить удлинилась, подчиняясь моей воле, и тут же вросла в ладонь сумасшедшего. Правда, при этом она стала какой-то безжизненной, словно высохшая лоза. Человек, чьего имени я так и не узнал, посмотрел на меня глазами, полными удивления и восхищения.

— Ты — друг. Друг — хорошо! Я опять буду счастливый, — улыбаясь, проговорил он, и настоящая, живая нить вдруг вырвалась из его груди и впилась в мою. Хоть эта нить и оказалась такой же странной, как ее «родитель» (она вся дрожала и постоянно меняла цвет), но само ее возникновение стало явлением примечательным.

— Да, и не нужны нам никакие Клубки, — добавил я, чувствуя, что нащупал, наконец, путь к людям. А возможно, и к тому счастью, которым так долго грезил. План дальнейших действий моментально возник в моей голове, и я не замедлил приступить к его воплощению.

Много времени я потратил на поиски других людей, все так же ориентируясь по отрывкам нитей, но итог исканий всегда был разный. Некоторые «найденши» в упор меня не видели, а если удавалось до них докричаться, пугались и бежали прочь. Глядя на них, я вспоминал себя. Некоторые были связаны с различными клубками. Увидев, что мои нити стремительно отмирают, они отказывались иметь со мной дело. Некоторые были похожи на сумасшедшего, которого я встретил первым. Эти при моем появлении либо впадали в панику, агрессию, печаль и другой неадекват, либо послушно шли за мной, считая меня то другом, то отцом, то пророком, то самим богом. А некоторые были чем-то похожи на меня нынешнего. Их старые нити тоже постепенно разрушались, но новых не возникало, и собранной мной компании они сторонились. Видимо, общение с безумцами их не устраивало. А может, их вообще ничего уже не устраивало, и сами они близки были к потере рассудка.

Да, много времени я потратил, и как-то незаметно ко мне подкралась усталость и тут же сковала меня в своих крепких объятиях. Прекратив поиски, я решил подвести итог своим дерзаниям. Оказалось, что нитей, связывающих меня с Клубком, почти

не осталось, и даже многие обрубки исчезли бесследно. Чесотка перестала меня мучить, но ей на смену пришла еще более гнетущая тяжесть во всем теле. Возможно, причиной ее появления стал толстый пульсирующий узел, выросший на моей груди. Я даже не заметил того момента, когда новые нити, соединяющие меня с сумасшедшими, стали беспорядочно переплетаться. И теперь я сам становился похожим на клубок, переливающийся разными цветами. При этом я с удивлением заметил, что ни один из тех психов, которых я водил за собой, не был связан с другим. Казалось, что они вообще друг друга не замечают, и их мир клином сошелся на мне. Глядя на них, я думал о том, что нет ничего общего между ними и теми счастливыми людьми, за которыми я наблюдал в своем видении. А еще я думал о том, что где-то допустил большую ошибку, и путь мой к счастью снова иллюзорен. Кроме того, я был так разочарован в себе, что даже не стал разжигать костер.

— Ты не можешь обойтись без Него, — услышал я голос.

— Явился, — даже не оборачиваясь, проговорил я с пренебрежением.

— Ты должен вернуться.

— Нет уж! Я слишком много видел, чтобы теперь добровольно жить *в этом*, — интонацией, исполненной брезгливостью и отвращением, я выделил последнее слово.

— Ты слишком мало видел, и отсюда твое новое заблуждение.

— Я видел людей, связанных с Ним! Я не хочу их судьбы! — воскликнул я в отчаянии.

— Ты увидел Его и решил, что ничего больше нет, как те люди, которые считают, что нет ничего больше их клубочка. И ты не увидел главного.

— Чего же? — спросил я, повернувшись лицом к собеседнику.

— Того, что на том конце.

— На том конце Клубок! Все переплетается и теряется в чудовищном хаосе! — я все еще был охвачен эмоциями, но, глядя на него, вдруг стал успокаиваться. — Ладно, я не видел. Так что же там? Покажи мне, ведь ты умеешь.

В ответ он только молча улыбнулся. Поняв, что никакого другого ответа не получу, я спросил уже ровным голосом:

— Так что же мне теперь делать?

— Возвращайся. И оставь их.

— Я не могу. Они уже не чужие мне. Мы связаны.

— Я знаю, но другого выхода нет. Посмотри на них, — я обернулся и в очередной раз увидел кучку людей, каждый из которых был занят каким-то своим делом, важность которого была понятна только ему. Все вместе они представляли собой еще более печальное зрелище, чем те зомби, которые не видят ничего вокруг себя и ходят кругами с известной им одной целью. — Им нужна помощь, но у тебя нет сил ее дать. Оставь их или вскоре станешь таким же.

Я обернулся, чтобы спросить, нельзя ли вернуться с ними, уже понимая, что в моем случае это невозможно. Но мой собеседник уже исчез так же неожиданно, как появился.

— Как неоригинально, — проворчал я, комментируя его действие.

— И не стоит пренебрегать кострами, — невпопад ответил мне мой голос...

СУБЪЕКТ